

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Тольяттинский государственный университет»

Гуманитарно-педагогический институт

(наименование института полностью)

Кафедра «История и философия»

(наименование)

46.03.01 История

(код и наименование направления подготовки, специальности)

Историко-культурный туризм

(направленность (профиль) / специализация)

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА (БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА)

на тему «Движение декабристов в современной отечественной историографии»

Обучающийся А.Д. Дьяконов

(И.О. Фамилия)

(личная подпись)

Руководитель канд.ист.наук., И.О. Трубицын

(ученая степень, звание, И.О. Фамилия)

Аннотация

Темой представленной работы является «Движение декабристов в современной отечественной историографии», которая характеризуется рассмотрением имеющихся историографических исследований.

Актуальность темы работы связана с тем, что современная методология исследований позволяет рассматривать движение декабристов с качественно новых позиций по различным историческим вопросам по данной теме.

Целью представленной работы является комплексный анализ представленных на данный момент современных отечественных исследований посвященных движению декабристов.

Задачи представленной работы:

- Выделить и охарактеризовать основные этапы развития отечественной историографии;
- Рассмотреть исторические исследования авторов разных периодов;
- Выявить и перечислить основные дискуссионные моменты по теме;
- Выделить и проанализировать методологические подходы и теории в историографическом изучении декабристского движения;
- Обозначить основные тенденции и перспективы развития современной отечественной историографии декабристского движения.

Структура выпускной квалификационной работы построена с учетом заявленной цели и поставленных задач и состоит из следующих элементов: введения, двух основных глав, трех параграфов, заключения, списка источников и списка использованной литературы. Объем работы составляет 72 страницы.

Оглавление

Введение.....	4
Глава 1 Основные тенденции изучения движения декабристов в дореволюционный и советский период	11
1.1 Дореволюционный период.....	11
1.2 Советский период	23
Глава 2 Декабристское движение в современной отечественной историографии	39
2.1 Дискуссионные вопросы в современной историографии.....	39
2.2 Терминологический анализ.....	51
Заключение	61
Список используемой литературы	65

Введение

Актуальность исследования объясняется огромным влиянием исторического события восстания декабристов на российское общество, остающимся актуальным и в современности. Изучение тайных политических обществ и движений XIX века и по сей день интересует различных историков и исследователей из самых разных научных направлений, ведь без детального изучения феномена декабризма невозможно было бы полноценно понять и вполне объяснить историческое развитие страны, государства и общества.

На данный момент отечественными историками изучен внушительный объем архивных материалов по судебным делам и личным мемуарам декабристов. Выделяется множество точек зрения касательно возникновения, восстания декабристов и последовавших государственных репрессий. Актуальность темы работы связана с тем, что современная методология исследований позволяет рассматривать движение декабристов с качественно новых позиций по различным историческим вопросам по данной теме.

Объектом исследования является совокупный объем опубликованных отечественных исследований по теме декабризма.

Предметом исследования является определение и изучение характерных тенденций и закономерностей развития отечественной исторической мысли по вопросу феномена декабризма.

Хронологические рамки исследования охватывают более 30 лет существования современной российской исторической науки. Нижняя граница – 1991 г. обусловлена появлением новых теоретико-методологических основ, позволивших по-новому рассмотреть движение декабристов. Верхняя граница обуславливается 2023 г., что позволяет исследователю проанализировать опыт современной отечественной науки, выявить тенденции, перспективы.

Территориальные рамки исследования охватывают пространство регионов бывшей Российской империи и стран бывшего СССР.

Степень изученности проблемы. Историография движения декабризма весьма обширна и привлекала внимание отечественных и зарубежных

исследователей уже в XIX столетии. Традиционно в отечественной историографии можно выделить три хронологических периода – дореволюционный, советский и современный, которые отличаются теоретико-методологическими подходами к изучению движения декабризма.

Образцовым примером «классического» дореволюционного декабристоведения является работа «Общественное движение в России при Александре I» под авторством академика и вице-президента Петербургской Академии наук Александра Николаевича Пыпина, впервые опубликованная в 1871 году. Исследование во многом затрагивало тему возникновения подпольных декабристских кружков в рамках основного вопроса: являлись ли они цельной политической силой и централизованной организацией или были формальными объединениями многочисленных оппозиционно настроенных молодых людей. Также А. Н. Пыпин проводит сравнительные параллели с отменой крепостного права «сверху» при Александре II в 1851 г. и поднимает в работе вопрос о теоретической возможности сотрудничества декабристов и правительства в деле освобождения крестьян [42].

Основным недостатком исследовательской работы А. Н. Пыпина можно выделить недостаточно уделенное внимание автора разбору биографий отдельных декабристов, чрезмерное обобщение и обобщение движения. При отрицании политического единства организаций декабристов, Пыпин однако рассматривает само движение в отрыве от отдельных личностей, не уделяя должного внимания каждой выдающейся персоне из числа лидеров. Ограниченность также касается вопроса изучения философии и политической идеологии движения декабристов, поскольку автор останавливается только на их республиканских и антикрепостнических взглядах, упуская разделенность декабристов по вопросам сохранения конституционной монархии и др.

Подобные вопросы рассматривались многими дореволюционными историками, к примеру В. О. Ключевский считал декабристов «исторической случайностью, обросшей литературой», скорее поколением молодых людей, воспитанных в определенном духе времени, чем строгой политической

организацией с официальной идеологией. Как писал Ключевский: «Большую частью то были добрые и образованные молодые люди, которые желали быть полезными отечеству», то есть характеризует их как молодых людей, правильно мыслящих в русле государственных преобразований, но не сумевших реализовать свои благие намерения вместе с государством [20, с.5].

Показательным представителем советской школы историографии по теме декабризма является советский историк, профессор и академик СССР, лауреат Сталинской премии Милица Васильевна Нечкина с двухтомной работой «Движение декабристов». Внесенный вклад М.В. Нечкиной в советское декабристоведение сопоставим со вкладом А.Н. Пыпина в дореволюционное. Благодаря ее научной деятельности, в советскую историческую науку были введены новые источники по теме в огромном количестве, а тема движения декабристов получила новый импульс к научному изучению.

М.В. Нечкина проводит четкие параллели между движением декабристов и правящей в то время коммунистической партией, руководствуясь актуальной политической ситуацией. Пользуясь расположением действующей власти к восставшим декабристам, она объявляет декабристов предшественниками большевиков. В частности, аргументацией для преемственности декабристов и большевиков является близкая система конспиративной работы подпольных ячеек, схожесть организации региональных отделений движения, частое проведение участниками большого количества времени на съездах, на которых члены организации голосованием большинства формулировали актуальные цели и задачи для слаженной деятельности всероссийской организации.

Одновременно, советские исследования имели большое ограничение с постоянным нахождением в формате советской идеологической пропаганды. Например, М.В. Нечкина связывает не имевшее политического окраса понятие съезда в начале XIX в. со съездами Коммунистической партии XX века. Она отмечала, что съезды декабристов начинались выборов председательствующего и выработки повестки дня с последующим голосованием участников за обязательные к всеобщему выполнению постановления, что также было крайне

похожим на съезды большевиков. Руководствуясь линией марксистской идеологии и правящей партии, исследователи обязаны были полностью поддерживать все республиканские и антимонархические идеи декабристов. Представленный данным историком идеалистический образ декабристов из знаменитого двухтомника «Движение декабристов» выглядит так: «первые русские революционеры, выступившие с оружием в руках против самодержавия и крепостного права в декабре 1825 г.» [31, с.8].

Поздние советские работы по теме декабристов в новых условиях «оттепели», «застоя» и «перестройки» уже были лишены идеологического влияния, что позволило новым поколениям советских исследователей более открыто выражать собственное мнение и уделять больше внимания отдельным личностям декабристов в связи с их жизнью и взглядами. Можно выделить труды Н.Я. Эйдельмана, который рассматривал декабристов не как предшественников большевиков, а как борцов за свободу в России, как отдельных героев боровшихся с самовластием и диктатурой. Это значительно отличается от ранней советской позиции науки по теме декабристов.

Среди современных попыток проанализировать состояние отечественной историографии по теме декабристов можно выделить работу М.Н. Радченко «Декабризм и декабристы: судьбы дефиниций в отечественной историографии». В данном исследовании была рассмотрена трансформация основных терминологических определений по тематике движения декабристов, проводился историографический анализ исследований с попыткой определения базовых подходов предшествующей отечественной историографии, а также уделялось внимание направлению изучения ментальных особенностей членов декабристского движения. Основной тенденцией исследования являлось рассмотрение исследовательской терминологии таких декабристских понятий, как: «преддекабристские организации», «околодекабристские круги», либерализм и радикализм в декабризме, дворянская революционность, движение декабристов, «декабристы без декабря», участники тайных обществ, «отошедшие от организаций» и др., которые были тесно связаны с определённой

историографической ситуацией, аргументированностью и направленностью на решение конкретных исследовательских задач [43].

Основным недостатком данной работы стало недостаточное внимание при рассмотрении темы собственно движения декабристов и отдельных личностей, а также нехватка фактических данных по судебным делам. Односторонняя концентрация автора исследования исключительно на терминологическом и лингвистическом аспектах историографических работ также стало значительным ограничением данного исследования.

Позднее была опубликована работа Ю.В. Латыша и Г.Д. Казьмирчука «Дискуссионные вопросы движения декабристов в постсоветской историографии». Данное исследование посвящено изучению эволюции историографии по теме движения декабристов, рассмотрению разногласий и дискуссий среди исследователей, определению основных направлений и тенденции современной отечественной и постсоветской историографии, выделению смысла, значения и роли движения декабристов в истории России. Основной задачей данной работы также было определение основных тенденций в современной историографии, рассмотрение новой методологии и обозначение основных актуальных спорных моментов в исследовательской среде [14].

Также актуальной является работа О.И. Киянской «Декабристы в отечественной истории и историографии: полемические заметки». Данная работа исследует отражение движение декабристов в исторической науке, в том числе рассматривает дискуссионные моменты среди исследователей. Предпринимается попытка определить объективную значительность роли декабристов в истории России в сравнении с его мифологической составляющей. Ограниченность данной работы заключается в недостаточности внимания причинам происхождения движения декабристов и их стимулам [15].

Целью данной работы является комплексный анализ представленных на данный момент современных отечественных исследований посвященных движению декабристов.

В рамках данной цели предполагается решить следующие задачи:

- Выделить и охарактеризовать основные этапы развития отечественной историографии;
- Рассмотреть исторические исследования авторов разных периодов;
- Выявить основные проблемы в изучении феномена декабризма;
- Выделить и проанализировать методологические подходы и теории в историографическом изучении декабристского движения;
- Обозначить основные тенденции и перспективы развития современной отечественной историографии декабристского движения;

Источниковая база исследования. Пользуясь проблемно-хронологическим принципом, исследовательская литература подразделяется на данные подгруппы: 1) обобщающие работы по теме, рассматривающие движение декабристов в стадиях зарождения кружков и возникновении организаций, развитии, становлении общероссийского движения и завершении их деятельности; 2) работы акцентирующие внимание на причинах возникновения движения декабристов, рассматривающие российское общество XIX века и актуальную политическую обстановку.

Новизна исследования состоит в том, что впервые проводится исследование в рамках заявленной проблематики, охватывая целиком период современной отечественной историографии 1991-2023 гг.

Методологическая основа данной работы базировалась на принципах историзма и системности, а также критическом анализе источников. В частности, историзм позволяет проводить изучение историографических явлений в рамках соблюдения временного порядка и закономерной преемственной смены периодов и этапов развития. Соответственно, любой историко-научный факт должен быть проанализирован в его возникновении, становлении, изменении и развитии. Историзм позволяет установить причины продвижения на передний план актуальных вопросов, благодаря исследованию событий исторической науки в тесной взаимосвязи с историческими условиями.

Принцип системности при исследовании позволяет анализировать каждый

исторический период и течение в историографии в качестве системы взаимосвязанных элементов (проблематики, методологии, источниковой базы, приёмов и методов критики источников и т.д.).

При проведении исследования использовались методологические методы: сравнительно-исторический метод, метод конкретного и логического анализа, ретроспективный анализ, а также диалектический и сравнительный методы. Перечисленные методы позволяют максимально разобрать и подробно изучить различные аспекты рассматриваемых исторических исследований в рамках цели и задач данной работы и представленного исследования.

Сравнительно-исторический метод исследования позволяет исследовать историографические факты во взаимосвязи с исторической обстановкой их возникновения, а также проследить их качественное изменение при смене периодов развития. Это позволяет изучать причины возникновения в исторической литературе ошибочных положений и недостоверных фактов, одновременно изучая сходство и различия выбранных элементов.

Метод конкретного и логического анализа позволяет исследовать историографические явления во взаимосвязи с условиями их появления. Конкретизация подразумевает определение конкретных причин, повлиявших на возникновения событий при развитии науки. Логический анализ определяет синтез и систематизацию знаний, теоретическое обобщение всего объема накопленного научного опыта и развития исторических знаний.

Ретроспективный анализ позволяет эффективно применять современные теоретические и методологические положения историографии для анализа возникновения и хода развития исторической научной мысли.

Структура выпускной квалификационной работы построена с учетом заявленной цели и поставленных задач и состоит из следующих элементов: введения, двух основных глав, четырех параграфов, заключения, списка источников и списка использованной литературы.

Глава 1 Основные тенденции изучения движения декабристов в дореволюционный и советский период

1.1 Дореволюционный период

Предшествующая отечественная историография по теме движения декабристов делится на два важнейших периода: дореволюционный (вторая половина XIX - начало XX века) и советский (начало XX – третья четверть XX века). Данная периодизация при более детальном рассмотрении включает в свой состав дополнительное количество самостоятельных этапов, связанных с эволюцией исторических исследований по теме декабризма и развитием исторических школ, а также объективно изменявшихся актуальных социально-политических условий и новых исследовательских тенденций.

Одним из важнейших значимых трудов XIX века под авторством дореволюционных исследователей можно назвать одну из последних монографий крупнейшего историка дореволюционной России, автора известного капитального труда «История России» (в 29 томах) Сергея Михайловича Соловьёва (1820–1879) «Император Александр I. Политика, дипломатия». Издание было приурочено к столетию рождения Императора Александра I и описывало деятельность русского императора с разных сторон, в том числе внешнюю и внутреннюю политику Российского государства, различные последствия Наполеоновских войн, повлиявших на Европу и Россию, меняющуюся политическую обстановку и российское общество [49].

С.М. Соловьёв был одним из основателей государственной школы в русской историографии, что имело свое отражение в его мировоззрении и исторических работах. В данном труде С. М. Соловьёв дает максимально лестную оценку личности и деятельности Александра I. В качестве основных заслуг императора историк выделяет борьбу с Наполеоном и установление внешних и внутренних отношений у европейских народов посредством общих советов между их правительствами. Как писал С. М. Соловьёв в аннотации у своей книге: «Европа была спасена неумолимою деятельностью Александра,

Агамемнона среди царей, пастыря народов: названия эти сохранятся за ним в истории, в истории эпохи, знаменитой самой сильной совокупной деятельностью народов» [49].

Также, С. М. Соловьев описывает положительные личные качества императора в виде свободы и широты взгляда, сознательной многосторонности. Историк объясняет это тем, что российский правитель, будучи наделенным высотой своего положения воспитывался под влиянием изменения системы международных отношений, быстро меняющейся социальной обстановки, чрезвычайных ситуаций и радикальных политических движений. Александр одинаково отвергал подобные быстро сменявшиеся крайности, благодаря которым он стал считать главной ответственностью правителя выдерживание нейтральности, установление стабильности и всеобщее принуждение к соблюдению общественного порядка, а также сдерживание народов от внутренних или внешних кровопролитных столкновений.

С. М. Соловьев считал актуальные задачи, возложенные на Александра, самыми трудными, неблагодарными и ответственными. Он отмечал, что правитель, отвергающий односторонности и крайности, становится враждебен многим людям, стремящимся к торжеству своей победы. Поэтому для одних консерваторов Александр являлся опасным либералом, сторонником признания законности некоторых реформ для исторического развития государств, а также противником чересчур суровой политической «реакции» правительства, вызывающей затем революции. В то же время, для других прогрессивно мыслящих молодых людей Александр являлся главой Священного союза, консервативной организации стран, направленной против свободы народов, поскольку она ставила прямой целью борьбу с подпольной деятельностью тайных обществ и народных революционных восстаний.

Ни одно из общественных направлений, боровшихся за политическое господство после событий падения Наполеона, не было довольно Александром. Каждое такое движение высказывало собственное неодобрение деятельности императора, а впоследствии подобные мнения наследовались последующими

поколениями и ложились в основание их идеологии. Убеждение Александра, что никакие односторонние движения не представляют благосостояние народа, а только мешают правильному и спокойному развитию государства, активно настраивали против него и против правительства разные группы граждан. Положение между всеми крайностями вызывало враждебные реакции народа.

В то же время декабристы, как одна из радикальных общественных сил, по мнению С. М. Соловьева представляли собой группу людей неспособных осознавать всю справедливость и необходимость подобного срединного нейтрального поведения правительства. По мнению историка, движения, отвергающие общественное соглашение как невыгодное для своих целей, раздражались неповоротливостью властей и действовали для подрывания сложившейся примирительной политики императора. В частности среди тайных обществ правительство выставлялось как «двоедушное», «лукавое» и «притворное». Изменчивость политики Александра они воспринимали как слабость и колебание между интересами, а желание стабильности положения в стране как ложное сочувствие народу. Странники разных взглядов считали, что на такое правительство полагаться нельзя и хотели действовать сами.

По мнению Соловьева, любые оценки императора и государственной власти, написанные в книгах со стороны участников движений радикальной направленности, позднее продолжают необъективно повторяться уже в работах других исследователей. Историк даже считал, что часть таких современников осознавали, что подобная умеренная политика и характер личности Александра были вполне объяснимыми, так как подобное поведение было необходимо для государства в целом. Часть радикалов, по его мнению, также искренне не считала признаками слабости или колебаний поведение правительства.

Одновременно, по мнению историка, ряд сторонников радикальных направлений враждебно относились к примирительному правителю, рассматривая его как помеху для своего политического успеха, вследствие чего сознательно утверждали политику власти как признак слабых характера Александра, либо что реализацию доброй воли монарха не допускают

правительственные министры. Но подобные агитаторы часто сами неосознанно публично соглашались, что российский правитель имеет собственные убеждения и последовательную политику. В то же время критики режима утверждали, что такая примирительная и умеренная политика не приведет к стабильности в стране, поскольку это в принципе неосуществимо.

При рассмотрении дореволюционного периода изучения декабристов, охватывающего временной промежуток 1825 – 1917 гг., можно отметить, что мнения исследователей разделились на два условных лагеря: сторонников идеи отмены крепостного права и ярых противников освобождения крестьян. Однако, в условиях наличия ограничений и тщательной царской цензуры, даже сочувствующие сторонники реформ были вынуждены только осуждать неорганизованность декабристов и их бессилие в попытке легального сотрудничества с правительством в деле осуществления отмены крепостного права, в итоге вылившееся в неудавшийся переворот и кровавое восстание.

Также можно выделить А.Н. Пыпина, еще одного из основоположников «классической» дореволюционной историографии, автора известной работы «Общественное движение в России при Александре I», впервые опубликованной в 1871 году. Александр Николаевич Пыпин, рожденный 25 марта (6 апреля) 1833 г. в Саратове в семье мелкопоместного дворянина, добился больших результатов и стал выдающимся русским филологом, литературоведом, историком, этнографом. Являлся заслуженным академиком и позднее вице-президентом Петербургской Академии наук. Занимался журналистской и переводческой деятельностью. Находился в чине Действительный статский советник и был потомственным дворянином. Приходился двоюродным братом известному русскому революционному писателю социалистического толка Н. Г. Чернышевскому [42].

В своей работе А.Н. Пыпин был совершенно уверен, что в деятельности декабристов «заговора никакого не было, потому что вся деятельность общества состояла в... беседах, которые сами по себе были новы и на первое время поглощали собой это возбуждение умов». По его мнению, движение декабристов

никогда не являлось цельной организацией, на самом деле являясь общественными кружками для близких по взглядам молодых людей. Историк утверждал что рассуждение о движении декабристов на основании событий на Сенатской площади было бы в корне неправильным, так как это вовсе не было подготовленным планом. Он утверждал: «Прежде всего, эти события не были планом, издавна решенным и обдуманым. Напротив, в них было чрезвычайно много случайного и минутного» [42, с. 405-406, 489] .

Подобные рассуждения А.Н Пыпина вызывали множество споров и дискуссий, поскольку, множество исследователей считало 14 декабря 1825 г. сознательным выражением желания декабристов захвата власти в России. Такими исследователями фактически исключается возможность реального обсуждения мирного выступления среди руководителей декабристов. Среди таких исследователей фигурирует версия, что даже в случае отсутствия плана, декабристы изначально не могли бы рассматривать иного сценария своего прихода к власти, кроме как силового выступления против власти, поскольку мирные варианты изменения политики страны декабристами уже отверглись.

В качестве доказательства жестокости декабристов утверждается, что руководители восстания вынашивали саму идею своего восстания вовсе не накануне событий, а напротив тщательно планировали и мечтали об этом в течении почти десятилетия. Поэтому даже если немногочисленными голосами среди деятелей на собраниях декабристов озвучивались возможности сотрудничества с правительством и поддержки в осуществлении реформы, то одновременно на таких собраниях гораздо больше голосов раздавалось о необходимости царубийства и военного переворота, в целях силового установления республики и освобождении крестьян.

Для объяснения таких противоречивых на первый взгляд утверждений, потребуется понимать контекст эпохи и взглядов условных сторонников либеральных реформ. При изучении личной позиции А. Н. Пыпина в его исследовательском историческом труде весьма важным является факт, что он впервые опубликовал свою работу «Общественное движение в России при

Алекса́ндре I» лишь в 1871 г., то есть уже после подписания императором Александром II манифеста «О всемилостивейшем даровании крепостным людям прав состояния свободных сельских обывателей» 3 марта (19 февраля по старому стилю) 1861 года [42]. Это позволило историку в более открытой форме выражать свое мнение по поводу антикрепостнического движения на фоне либеральной политики Александра II, что было просто непозволительно для исследователей при прежней строгой царской цензуре.

Будучи частью российской интеллигенции своего времени, А.Н. Пынин полностью разделял необходимость отмены крепостного права, позднее будучи большим сторонником Александра II и многих его реформ. Одновременно, как профессор и ученый, историк не стремился сам и не слишком поддерживал сценарий вооруженного восстания против царского самодержавия. Поэтому и декабристы в его представлении скорее несчастные герои и неудавшиеся реформаторы, недостаточно организованные для объединения своих усилий с государством. А само восстание на Сенатской площади он считал скорее внезапной ошибкой и авантюрой части декабристов, чем осознанным политическим действием вполне революционной организации.

Сам А.Н. Пынин утверждал, что проблема крепостного права и борьба декабристов не оставила его равнодушным, и будучи личным свидетелем реформ «сверху» по инициативе самого монарха, он особенно проводил параллели между своей эпохой и временем активности декабристов 1820-х годов. В предисловии ко второму изданию книги в 1885 г. он писал так: «Точка зрения моей книги была историческое сравнение - времен, характеров и общественных положений: это сравнение невольно приводит к иным впечатлениям, чем просто безотносительное наблюдение» [42, с. 8].

Важным исследованием на тему декабризма также можно назвать работу «Декабристы» В.О. Ключевского. Будучи представителем нового направления государственной школы, Ключевский пытался связать свои концепции с новыми прогрессивными явлениями в исторической науке, проявляя интерес к проблемам экономического и социального развития. В данной работе была

попытка объективно и непредвзято объяснить события 14 декабря на Сенатской площади и в целом феномен возникновения общества декабристов. Ключевский больше сконцентрировался не на политических позициях и разных идеологиях двух сторон, а на основных личностях декабристов и их культурных особенностях. Для Ключевского декабристы являлись не героями, несущими благо для народа и не злодеями несущими зло России, а просто новыми представителями сословия «которое доселе делало нашу историю, – высшего образованного дворянства» [20, с.1].

Он проводит прямую параллель между событием Восстания декабристов и взглядами просвещенной молодежи того времени, объясняя витающие революционные мнения в декабристском обществе воспитанием и новыми условиями жизни нового поколения дворянства. В тот же период сменяются воспитатели дворянской молодежи, так как в Россию ближе к концу XVIII в. массово прибывают французские эмигранты, спасающиеся от своей революционной родины. Все они были представителями разных слоев французского дворянства, и были радикально консервативно настроены по отношению к любым новым идеям. Философия французской литературы XVIII столетия отступила в сторону в пользу католической и иезуитской пропаганды, повлиявших таким образом на настроения в высшем русском обществе.

Такая смена французов-гувернеров и учителей с вольнодумцев на религиозных иезуитов дала молодому русскому дворянству более хорошо дисциплинированное и очень вдумчивое, самостоятельно мыслящее поколение. Они строго воспитывали учеников и научили думать своей головой огромное количество русского дворянства, хотя и не смогли объяснить им полной и целостной картины окружающего мира. Таким образом, потребность иметь свое мнение и действовать в соответствии с личными убеждениями, а не руководствоваться холодным рассудком и навязанными традиционными правилами, воспитало в части декабристов высокообразованную критику действующего положения в России. Подобное критическое мышление не могло не отразиться на сознании множества молодых людей.

Таким образом, нахождение под влиянием иностранных гувернеров и учителей сказалось на умонастроениях молодого поколения, которые были возможно лучше обучены и воспитаны чем свои родители, но имели огромный интерес к буржуазным революциям и установлению республики. Часть декабристов имело заграничное воспитание в Европе или в российских пансионах с иностранными воспитателями. К примеру, из пансиона Николая, который на рубеже XVIII и XIX веков считался самым престижным средним учебным заведением Петербурга, вышли такие известные декабристы как князь Голицын и Давыдовы. По результатам следствия из 121 обвиненного, многие декабристы учились дома под руководством иностранцев.

Так по этому поводу писал В.О. Ключевский «Может быть, не будет лишен интереса перечень некоторых из выдающихся членов тайного общества с пометкой их лет и замечанием об их воспитании. Один из самых видных членов общества – князь Сергей Трубецкой, полковник гвардейского Преображенского полка (в 1825 г. после ареста – 34 лет), учился дома. Учителями были иностранцы. Князь Евгений Оболенский, поручик гвардейского Финляндского полка, 28 лет; учился дома под руководством гувернеров-французов, которых у него сменилось от 16 до 18 человек. Братья Муравьевы-Апостолы, дети нашего испанского посланника; оба учились в Париже, в пансионе Гикса. Панов, поручик Преображенского полка, – 22 года – учился дома; учителями были иностранцы; окончил образование в Петербургском пансионе Жакино, и т. д., все в этом роде» [20, с.4].

Также как отмечал В.О. Ключевский, воспитание поколения декабристов имело большое влияние то, что многие будущие декабристы обучались в кадетских, сухопутных, морских и подобных учебных учреждениях, в которых в тот период было весьма распространено либеральное образование и которые фактически не являлись исключительно техническими и военно-учебными заведениями. То есть в совокупности со своим окружением во время учебы и общественным настроением, будущие декабристы впитывали либеральные революционные идеалы и находили единомышленников.

Историк считал декабристов настоящими патриотами, справедливо желавшими прогрессивных перемен и не сумевшими правильно реализовать свой потенциал во благо родины: «Большую часть то были добрые и образованные молодые люди, которые желали быть полезными отечеству, проникнуты были самыми чистыми побуждениями и глубоко возмущались при встрече с каждой, даже с самой привычной, несправедливостью, на которую равнодушно смотрели их отцы» [20, с.5]. Также, говоря о искренности души и литературном таланте многих декабристов, оставленным в их различных автобиографиях, он пишет так: «У них всего меньше соли и желчи ожесточения. Так пишут хорошо воспитанные молодые люди, в которых жизнь еще не опустошила юношеских надежд, первый пыл сердца зажег не думы о личном счастье, а стремление к общему благу» [20, с.5].

В.О. Ключевский считал, что благие личные устремления декабристов объяснялись отличным дворянским воспитанием и политической обстановкой, которые в результате спровоцировали в декабристах интерес к социально-экономическому положению страны и воспитали моральную ответственность за судьбу народа первой четверти XIX столетия. В ходе пережитых военных событий и заграничных наблюдений, у них возникало стремление быть полезными и реализовать это на практике. Эти молодые люди видели в окружающей действительности исключительно мрачное: крепостное рабство, неуважение личности, бесправная общественность. Он концентрируется в своей работе на самостоятельных личностях декабристов, не рассматривая их как государственных преступников и организаторов военного мятежа.

По его мнению, все это вызывало возмущение и большое уныние среди интеллектуальных и образованных молодых наблюдателей, однако они были не готовы смириться с таким порядком вещей, и вместо того, чтобы складывать свои руки и ждать государственных реформ «сверху», они решили действовать самостоятельно так, как сами считали нужным в данной ситуации. Именно поэтому по мнению историка и провалилось их восстание на Сенатской площади, так как движение декабристов было скорее общественным клубом для

думающих о благе своей страны и свободе для народа общества молодых людей, чем цельной политической организацией с продуманным планом действий. По мнению Ключевского декабристы являлись скорее членами дискуссионного клуба по интересам со спецификой политического окраса, чем расчетливыми организаторами политического переворота в стране.

Подводя итоги рассуждениям А.Н. Пыпина и В.О. Ключевского, можно выявить следующие тенденции в работах дореволюционных исследователей: историки аналогично мыслящие в духе государственных преобразований во многом симпатизировали декабристам, представляя их позицию как высоко образованных и искренних молодых людей, не сумевших реализовать свои благие намерения вместе с государством. Организация декабристов представляется скорее как отдельные самостоятельные собрания реформаторов без общего плана действий, а само восстание представляется как акт беспомощности и вынужденных отчаянных действий во благо родины.

Из числа дореволюционных исследователей также можно выделить К.Н. Левина с изданной в 1906 году работой «Декабристы: история вооруженного восстания 14 декабря 1825 г.», в которой проводилось разностороннее исследование предпосылок возникновения тайных организаций, причин и порядка восстания на Сенатской площади, анализ следствия и судебных дел декабристов, рассмотрение их жизни в ссылке в Сибири, а также последствия и историческое значение их восстания для России. Историк считал, что корнем к возникновению декабристов стало движение капитала и изменение прежней экономической ситуации в стране, относительно этих изменений он писал так: «конечно, денежное хозяйство не могло еще оказать решающего влияния на социальные отношения и политический строй России» [22, с.7].

Он считал стремление декабристов ограничить самодержавие и отменить крепостное право закономерным следствием разложения устаревшего строя, сопровождавшимся изменениями в хозяйстве страны. Подобные стремления начались с приходом в экономическую жизнь страны движения капитала и денежного хозяйства. Из необходимости развития капитализма и возникли идеи

декабристов о республиканском устройстве России и функционировании свободного рынка. Таким образом, отмена крепостного права являлась необходимым условием для перехода на новую экономическую формацию. Он отмечал, что: «декабристы строили социальные и политические планы на основе свободных отношений, т.е. на том необходимом условии, которое требуется для развития и полного торжества капитализма» [22, с.7-8].

Рассуждая в работе, почему же восстание декабристов потерпело в итоге полный провал, К.Н. Левин отмечает, что в первой четверти XIX века социальная и политическая жизнь страны держалась на фундаменте самодержавной власти царя и крепостном праве. Господствующий класс в лице дворян еще не вполне осознавали свои интересы в свободном рынке и хозяйственную потребность в капитализме. Любые попытки полностью уничтожить или даже просто частично ограничить монархический самодержавный строй с крепостнической моделью экономики воспринимались дворянской элитой как прямая угроза их власти, которая приведет к краху всей государственной системы и потенциально к уничтожению страны.

К.Н. Левин так писал о тотальном поражении декабристов: «Но их планы потерпели крушение, так как не встретили поддержки в господствующем классе» [22, с.8]. Декабристы в соответствии с его концепцией, оказались передовым отрядом на острие политической борьбы за окончательное утверждение нового устройства страны, которое, однако, на тот момент еще только формировалось и не обрело законченную форму. Большинство же представителей дворянства оказались непонимающими смену экономических формаций, вследствие чего усиленно поддерживали действующую царскую власть и систему крепостничества как главную опору для собственного положения. По мнению автора, декабристы не могли не возникнуть на фоне множества объективных причин, современниками которых они были.

Отдельное внимание уделяется в работе царствованию Александра I, отмечается, что от него «передовая часть общества ожидала очень много: верили, что молодой император поведет Россию по пути к свободе» [22, с.11]. В

начале своего правления, российский император Александр I представлялся многим как великий реформатор, поклонник Великой французской революции, ненавистник деспотизма и произвола в любых проявлениях, сторонник свобод. Придя к власти молодой император «желая внести в страну успокоение, свое правление начал с исправления деяний отца» [22, с.11]. Всего через три дня после восшествия на престол Александр I объявил многочисленную политическую амнистию всем заключенным преступникам, ссыльным и эмигрантам. Из Петропавловской крепости были выпущены все заключенные.

Однако когда после Отечественной войны 1812 г. либеральная политика Александра I окончательно сменилась на повсеместное ужесточение режима в стране и увеличение репрессий. Особенно много протестов вызвала военная реформа с введением военных поселений и более жестких порядков в армии. Это привело к различным крестьянским восстаниям и восстанию Семёновского полка в 1820 г., которые были жестоко подавлены. Вследствие чего, в 1821 году в российской армии вводится тайная полиция. Также в 1822 году вышел указ о полном запрете тайных организаций и масонских лож. Открытое отрицание любой демократической оппозиции и отсутствие изменений крепостного права напротив лишь спровоцировало массовое появление тайных организаций.

Как отмечает в работе К.Н. Левин, «Вместо возвещенных реформ в духе свободы и равноправности были изданы распоряжения об устройстве военных поселений, введена жестокая цензура, из высших учебных заведений изгнаны науки, возбуждающие и развивающие ум и т.д.» [22, с. 12]. Историк объясняет такой разворот во внутренней политике графа Аракчеева, под влияние которого попал император Александр I. Как считает автор, именно назначенный начальником поселений Аракчеев стал виновником в деле создания военных поселений и хотел «обратить всю Россию в казарму», одновременно установив военные нравы в стране и усиливая меры дисциплинарных наказаний в армии.

Вместо свободы в стране и спокойствия после тяжелейшей войны с Наполеоном, служилые молодые люди увидели политику государственного контроля и неумелые внутренние реформы. Весь народ испытывал большое

недовольство политической и социально-экономической ситуацией внутри страны, а военная реформа, сохранение крепостничества, отрицание любых республиканских и оппозиционных идей, возрастающее самодержавие императора лишь увеличивали недовольство. Все это не могло не вызвать появление недовольных молодых людей, в том числе и среди революционно настроенного служивого дворянства, повидавшего в Европе республиканские капиталистические режимы и познакомившегося с западной идеологией.

Как пишет К.Н. Левин: «Но особенно чутко отнеслись к этой политике варварства вернувшиеся из заграничных походов офицеры»... «Что же они увидели дома? Тяжкое рабство крестьян, дикость, невежество, общую несправедливость и т.д.». Он отмечает, что «Наблюдения над заграничной жизнью были слишком поучительны для офицеров русской армии». Декабристы по его мнению являлись выразителями мнения многих современников [22, с.13].

Таким образом, К.Н. Левин, в своей работе подробно разобрал и причины возникновения декабристов, указав все объективные предпосылки (как сугубо экономические изменения, так и внутренние политические), и объяснил причину поражения восстания, так как господствующий класс дворянства оказался не готов рисковать утратой своего положения в случае крушения монархии и перехода экономики страны на рыночные капиталистические рельсы, а декабристы были самыми передовыми представителями общества.

1.2 Советский период

Говоря про советский период в изучении движения декабристов, необходимо упомянуть позицию вождя революции 1917 года В.И. Ленина, имевшего собственную концепцию движения декабристов в духе марксизма. Декабристов он представляет «дворянскими революционерами», считая важной их роль в истории российской революционной борьбы, отсчет которой он начинает с восстания на Сенатской площади. Одновременно проводится анализ движения декабристов с классовой точки зрения. В своем докладе о революции 1905 г. Ленин охарактеризовал восстание декабристов первым революционным

выступлением в России: «В 1825 году Россия впервые видела революционное движение против царизма...» [25, с. 315].

Определение значимости роли декабристов в развитии революционного движения России встречается в статьях В.И. Ленина: «Памяти Герцена», «Роль сословий и классов в освободительном движении», «Из прошлого рабочей печати в России» и в других работах. Именно декабристов Ленин считает прародителями революционного российского движения как представителей этапа революционного дворянства, позднее сменившимся периодом разночинским, а затем в итоге временем пролетарского революционного движения. писал Ленин писал в статье «Памяти Герцена»: «...Мы видим ясно три поколения, три класса, действовавшие в русской революции. Сначала – дворяне и помещики, декабристы и Герцен. Узок круг этих революционеров. Страшно далеки они от народа. Но их дело не пропало. Декабристы разбудили Герцена. Герцен развернул революционную агитацию» [23, с. 261].

Как утверждал В.И. Ленин, специфической чертой революционного российского движения стал факт, что именно «лучшие люди из дворян» начали вести борьбу против феодально-монархического строя и крепостничества. Он считал, что декабристы имели революционное дворянское мировоззрение, преодолев преимущества и привилегии своего положения, осознавая необходимость изменения текущего положения в стране в целях развития государства, став таким образом «дворянскими революционерами». Этот термин отображал противоречивость сознания декабристов, подчеркивая с одной стороны их классовую буржуазную ограниченность, а с другой стороны определяя их деятельность как революционную. Ленин характеризует дворянскую революционность как отдельный и необходимый этап для революционного движения в России, называя его основными представителями участников декабристского движения, а также Пушкина и Герцена [24, с. 398].

Интересна позиция Н.А. Рожкова по поводу декабристов, который в десятом томе своей работы «Русская история в сравнительно-историческом освещении» изданной в 1928 г. называет историю России XIX и XX веков

временем демократической революции. Он в соответствии с принципами материализма считает, что научное объяснение возникновения движения декабристов и прочих тайных организаций невозможно без исследования изменений экономической ситуации в хозяйстве и социальных условий в структуре общества. Возникновения новейших явлений в социально-экономической сфере страны, ограниченность экономических возможностей феодально-крепостнической системы и подъем промышленного капитала стали материальными причинами для появления революционных дворян [44].

Возникновение движения декабристов в России он считает закономерным и неизбежным следствием «разложением старого порядка, самодержавной дворянской монархии», которое спровоцировало необходимость выступления против монархии и крепостничества, выразителями которого стали декабристы. Также Н.А. Рожков прослеживает революционное демократическое движение России неразрывно проводя параллели между декабристами, народниками, большевиками и прочими политическими движениями. Декабристы по его мнению являются составной частью общего революционного действия, завершившегося революцией 1917-го года. Так он рассуждает о периоде декабристов: «Сорокалетие, протекшее между 1815 и 1855 годами, – ранний подготовительный период русской демократической революции» [44, с.6].

Также, говоря про советский период изучения декабристов, вспоминается М.Н. Покровский как одна из центральных личностей советской исторической науки 1920-х годов. Одной из основных тем его исследований было движение декабристов, а первые работы публиковались еще до 1917-го года. Большой интерес представляют его труды, вписывающиеся в рамки становления ранней советской науки. Традиционно под ранней советской исторической наукой подразумевается период с революции 1917 года до середины 1930-х.гг. Данный период активной исследовательской деятельности связывается с введением в оборот большого комплекса новых источников по теме движения декабристов.

Первой работой М.Н. Покровского изданной после 1917 года на тему движения декабристов стала «Русская история в самом сжатом очерке» 1921 г. В

ней историк рассматривал желание декабристов превратить Россию в европейскую страну и рассуждал об этом: «Но что значило сделать Россию европейской страной?». В соответствии с марксистским пониманием материализма и революционной роли промышленного капитала М.Н. Покровский называл возникновение декабристов в России объективным феноменом, связанным с происходившими экономическими изменениями. Он писал об этом так: «Декабристы были связаны с развивающимся промышленным капиталом» [39, с 114-115]. Историк рассматривает декабристов как революционные буржуазные элементы, стремящиеся осуществить прямые классовые интересы. Он упоминает знакомство декабристов с книгоиздателем Селивановым и наличие знакомств в купеческой среде доказательством связей декабристов с буржуазией [39, с.115].

Далее М.Н. Покровский в изданных в 1924 году «Очерках революционного движения XIX - XX вв.» обозначает следующие вопросы по теме декабристов: 1) «какие были объективные корни всей этой истории?» - «тривиальным фактом, который лежит в основе первой сознательной революции против самодержавия ... был русский хлебный вывоз»; 2) «Какие цели ставят себе эти тайные общества?» - «ликвидация крепостного права»; 3) «Что вынудило помещиков в это время ставить вопрос о ликвидации крепостного права?» - «крепостной труд был чрезвычайно мало производителен ... помещик мог, приспособившись к условиям рыночного хозяйства своё имение, довольствоваться малопродуктивным барщинным трудом» [38].

Из данных вопросов и ответов можно понять, что автор рассматривает декабристов не просто как легендарных героев «революционного мифа», а как выразителей объективных интересов поднимающейся буржуазии. М.Н. Покровский объясняет желаемую декабристами отмену крепостного права объективной экономической неэффективностью устаревшей феодально-крепостнической системы, которая способствовала размышлениям дворянства об отмене крепостничества ради повышения эффективности хозяйства и как следствие роста собственной прибыли. Также М.Н.Покровский в своих «Очерках

революционного движения XIX-XX вв» напрямую связывает с экономической «революцией» появление тайных революционных организаций: «Это была настоящая революция, когда помещичье имение сразу в 5 раз должно было производить больше хлеба для экспорта» «И как раз в эти самые годы начинают расти, как грибы, тайные общества» [38].

В совместной работе «Нужно ли праздновать юбилей декабристов» М.Н.Покровский и С.И. Мицкевич дали положительную оценку, называя их самыми революционными среди современников. [11, с.20-21] Но позднее историк уже в сборнике статей «Декабристы» 1927 года отделяет декабристов от остального российского революционного движения и от большевиков, по причине того, что декабристы не являлись представителями народа (пролетариата или крестьянства), но были выразителями господствующего класса дворянства и интересов нарождающегося капитала. В работе декабристы представляются как активные дворяне, заинтересованные в избавлении страны от устаревшего крепостного права для возрастания капитала. Но декабристы здесь представляются уже не в качестве защитников народных интересов, а как носители революционной буржуазной идеологии [40].

Важным событием раннем советском этапе изучения декабризма стали большой пересмотр и критика «школы Покровского» после смерти историка. Поскольку М.Н. Покровский являлся очень значимым лидером в советской исторической науке, был необходим обстоятельный пересмотр исторических концепций, особенно со стороны его учеников. Известная последовательница историка М.В. Нечкина после смерти М.Н. Покровского в работе «Восстание декабристов в концепции М.Н. Покровского» 1938 года, подвергла критике основные положения и оценки движения декабристов М.Н. Покровского, поскольку они, как считала М.В. Нечкина, во многом значительно не совпадали с известным мнением В.И. Ленина о декабристах [28].

Одновременно с этим отечественная историческая наука 1920-х годов сменилась значительно отличавшимися 1930-ми годами, которые испытывали влияние больших изменений всего государства. Отчасти на фоне усиления

государственной власти и сталинизма происходил повсеместный разрыв с предшествующей радикальной революционностью, в целях наступления стабильности в стране и укрепления советской власти. Все это находило свое отражение и в исторической науке. Среди наиболее заметных советских исследователей 1930-х годов можно выделить известную ученицу «школы М.Н. Покровского» Милицу Васильевну Нечкину, советского историка, профессора и академика СССР, лауреата Сталинской премии.

Двухтомная работа «Движение декабристов» М.В. Нечкиной стала значимым трудом советской школы историографии по теме декабризма. Изучение движения декабристов в Советском союзе получило большую поддержку государства и вызвало широкий общественный интерес, благодаря чему научное историческое изучение движения декабристов вышло на новый уровень. Своими работами М.В. Нечкина значительно развила советскую историческую науку и в частности исследования декабристов. Множество неизвестных прежде источников по теме декабризма вводились в советскую историческую науку благодаря ее работам и научной деятельности [29;30].

В условиях советской политической обстановки и реальности исследователи проводили прямые параллели между движением декабристов и коммунистической партией. Действующая советская власть испытывала большие симпатии к восставшим декабристам, что находило свое отражение в исторической науке, в связи с чем М. В. Нечкина объявляет декабристов прямыми предшественниками большевиков. Аргументируя схожесть между движением декабристов и коммунистической партией, сравнивались конспиративная деятельность подпольных ячеек декабристов и большевиков, приводилась аналогия по схожести системы организации крупнейших всероссийских отделений и местных филиалов организации.

Также М. В. Нечкина в своих работах отождествляет понятие съезда декабристов начала XIX в. со съездами Коммунистической партии начала XX в., хотя в исследуемый исторический период оно еще не имело выраженного политического окраса. В качестве доказательства схожести декабристов и

большевиков приводится, что члены тайных обществ и подпольных ячеек того периода проводили много времени в процессе съездов и совещаний, на которых при помощи которых голосованием большинства решались актуальные для деятельности тайных обществ проблемы и вопросы. Такие параллели являются показательными для раннего периода в советской исторической науке.

Ограниченность свободы научных и исторических исследований рамками советской идеологической пропаганды приводила к тому, что научные работы зачастую оставались односторонними и не имели альтернативных точек зрения. Порой это приводило к крайне спорным аргументам с явным политическим окрасом в исследованиях. Проведение исторических параллелей между декабристами и большевиками имело аргументы, что их съезды одинаково начинались с выборов председателя и выработки повестки дня, а далее было голосование присутствующих за общеобязательные постановления.

В соответствии с четко проводимой линией марксистской идеологии исторические исследователи должны были полностью поддерживать и разделять республиканские и революционные идеи декабристов того периода, имевших большое распространение в тайных обществах. Борьба с монархизмом и царским самодержавием должна была получить положительную оценку в исторической науке. М. В. Нечкина в двухтомнике «Движение декабристов» представляет исключительно положительный образ декабристов так: «первые русские революционеры, выступившие с оружием в руках против самодержавия и крепостного права в декабре 1825 г.» [29, с.8].

Следующей значительной эпохой в советском изучении феномена декабристов стал период «оттепели», когда произошел радикальный пересмотр старой советской модели государства и внутренней политики. Такие крупные изменения затрагивали все сферы жизни государства и общества, и в том числе не могли не касаться исторической науки. Историческая наука в условиях новой политической реальности позволила исследователям быть гораздо более свободными в своих работах и не столь категоричными в своей риторике. На протяжении 1960 - 1970 гг. появилось новое поколение отечественных ученых,

которые в своих работах посвященных изучению декабристов уже не уделяли столько внимания доказательству «революционности» декабристов и их преемственной связи с большевиками. Исследователи этого периода концентрировались на личностях декабристов, их мотивации и идейной основе, во многом возвращаясь к практике части дореволюционных исследователей, рассматривавших частные биографии декабристов на персональном уровне.

Представителем нового взгляда на движение декабристов стал советский ученый, литературовед, историк, культуролог и академик Ю.М. Лотман со своей работой «Декабрист в повседневной жизни» в середине 1970-х годов. Исследователь концентрировался не на идеологии декабристов, а на сознании данных личностей, считая их высокообразованными молодыми людьми. Декабристы по его мнению сформировали «особый тип русского человека», «по своему поведению резко отличавшегося от того, что знала вся предшествующая русская история» и построили «из бессознательной стихии бытового поведения русского дворянина рубежа XVIII-XIX веков сознательную систему идеологически значимого бытового поведения» [26, с. 331- 384].

Для Лотмана центральной идеей исследования стало определение личного характера и морального кодекса поведения декабристов. Он попытался найти место декабристов в современном им обществе, в то же время определяя внутренний мир декабристов независимо от существующей власти. Таким образом, Лотман отмечает чувство собственного достоинства и стремление к доблести распространенные среди декабристов, одновременно стараясь отходить от разбора политической составляющей движения в целом. Это является отражением характерной для периодов хрущевской «оттепели» и брежневского «застоя» тенденции в исторической науке, направленной на ослабление строгой политической линии государственной пропаганды.

В своей работе «Декабрист в повседневной жизни» Ю.М. Лотман попытался также рассмотреть аспекты бытовой жизни декабристов, чтобы сформулировать наиболее полный портрет декабриста и выделить отличительные черты этой категории общества от представителей остальных

политических течений. В этой работе встречается такое утверждение: «существовало ли бытовое поведение декабриста, отличающее его не только от реакционеров и “гасильников”, но и от массы современных ему либеральных и образованных дворян? Изучение материалов эпохи позволяет ответить на этот вопрос положительно». Позднее сделанные в данном исследовании выводы и проведенная работа с источниками будут использованы в работе автора «Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII-начало XIX века)», впервые выпущенной уже позднее в 1994 году [27].

В своей работе Ю.М. Лотман делает выводы о существовании отдельного психологического типа декабриста, с системой собственных взглядов и моральных ориентиров. Такой обобщенный портрет декабриста отличается от представителей всех остальных политических течений того времени по своему мировоззрению, в том числе как самых реакционных, так и самых революционных. В работе автор также утверждает, что на основе различных документов говорящих о бытовом поведении декабриста, о каждом таком революционном служивом дворянине можно говорить «не только как о носителе той или иной политической программы, но и как об определенном культурно-историческом и психологическом типе» [26, с.3].

В новых условиях советской исторической науки Лотман исследует декабристов не в формате идеологии или политической организации, а в виде общественного клуба для отдельных близких по своим взглядам личностей. Декабристы представляются как особенный тип человека, рассматривается скорее как характеристика личности, нежели как политическая позиция. В то же время автор уделяет внимание тому аспекту, что «декабристы в первую очередь были людьми действия», уважающими практическую активность не меньше теоретических изучений. Декабристы, будучи представителями военной сферы, были готовы к решительным шагам для достижения своих целей, что могло преобладать над теоретическими изучениями научных трудов [26, с.5-7].

Лотман считал предыдущие исследования исторической науки по теме декабризма недостаточными и упускающими важный элемент новаторства

декабристов в сфере создания нового «особого типа русского человека резко отличного по своему поведению от всего, что знала предшествующая история». По его мнению, декабристы стали представителями нового типа характера, создали новую систему моральных ценностей и идеологического воспитания: «Идейно-политическое движение дворянской революционности породило и специфические черты человеческого характера, особый тип поведения». Такое внимание личностям декабристов и их моральным ориентирам отличалось от предыдущих поколений советских ученых, работавших в условиях проводимой в исторической науке политической пропаганды, а также вынужденных проводить параллели с большевиками и доказывать преемственность [26, с.29].

Говоря об отечественных исследованиях второй половины 20 века необходимо выделить также советского историка и писателя Н.Я. Эйдельмана, ставшего одним из ярчайших представителей по декабристоведению. В его многочисленных работах по теме истории русской культуры и общественного движения России в XVIII—XIX веках главным направлением исследований стало движение декабристов. Как и в работах Ю.М. Лотмана, отличительной особенностью работ Эйдельмана стало детальное изучение морально-нравственной стороны рассматриваемых событий. В его работах также уже гораздо менее заметную роль играло политическое наполнение движения декабристов, но гораздо большее внимание находили их личности.

Каждое поколение историков традиционно видело свой особый образ декабристов и переосмысливало предшествующий опыт. Н.Я. Эйдельман раскрывал мотивы героев своих книг со стороны борьбы с ограничениями прав народа и посвящения себя идеалам свободы в России, что в изменившейся обстановке страны периода «оттепели», «застоя» и «перестройки», способствовало большому успеху его работ с одной стороны в научной среде профессиональных историков, с другой в оппозиционных слоях советского общества (диссидентов и интеллигенции). Отчасти с этим связан большой рост общественного интереса к работам историка и расширение круга интересующихся темой декабристов. Научное творчество Н.Я. Эйдельмана также

часто получало многочисленные лестные оценки от своих высокопоставленных коллег по исторической науке.

Среди огромнейшей массы исследовательских работ Н.Я. Эйдельмана посвященных исследованию декабристов можно выделить такие известные труды как «Первый декабрист», «Пушкин и декабристы», «Заговор против царя (Портрет декабристов)», «Братья Бестужевы», «Лунин», «Декабристы», «Тайные корреспонденты Полярной звезды» и многие другие. В своих работах Натан Яковлевич Эйдельман уделял много внимания изучению отдельных выдающихся личностей из числа декабристов, таких как Сергей Муравьев-Апостол, Михаил Лунин, Иван Пущин, Владимир Раевский. Также большая часть работ были посвящены взаимодействию декабристов и российского общества 19 века, в частности с А.С. Пушкиным и А.И. Герценом.

Показательный труд Н.Я. Эйдельмана «Апостол Сергей» был посвящен биографии известной личности Сергея Муравьева-Апостола, одного из пяти повешенных декабристов. Перед изданием работы была статья «К биографии Сергея Муравьева-Апостола», изложившая кратко мысли по его биографии. Работа использует хронологический принцип при рассмотрении биографии с рождения декабриста до исполнения смертного приговора, с исследованием родной семьи и окружения главного героя. Н.Я. Эйдельман использовал при написании различные источники: многочисленные документы, личные письма семьи, мемуары (архив Капнистов), судебные дела и газетные статьи [55].

Биография этого декабриста интересна тем, что молодым человеком он принимал участие в войне с Наполеоном, в двадцать лет вступил в Тайное общество и стал одним из самых активных его участников, позднее организовал антиправительственное восстание Черниговского полка и в результате получил смертный приговор "за тяжкие злодеяния". Вся повесть демонстрирует Сергея Муравьева-Апостола как настоящего героя во всех смыслах этого слова, название книги не случайно использует слово апостол, ведь декабрист предстает перед читателями настоящим мучеником и проповедником лучших устремлений человечества. Декабрист представляется автором как прекрасно воспитанный

молодой человек романтического склада, очень мужественный, крайне благородный и с собственной глубокой философией жизни.

Историк в данной работе формулирует декабриста как идейного героя, пожертвовавшего жизнью ради служения своей идее, а затем мужественно принявшего казнь и мученическую смерть. Н.Я. Эйдельман подчеркивает, что с самых юных лет Сергей Муравьев-Апостол обладал этими качествами, именно благодаря которым декабрист в работе так соотносится с прославленным апостолом. Натан Яковлевич Эйдельман использует двойную фамилию декабриста в качестве символизма самоотверженной борьбы в жизни и мученической смерти заключённого. Данная положительная характеристика исследуемого декабриста представляет его в героическом образе.

По мнению Н.Я. Эйдельмана, личность Сергея Муравьева-Апостола сформировалась под влиянием дворянского заговора 1801 года, направленного на свержение императора Павла I. Впоследствии по многим моментам (причины, цель, состав участников, методы организации и проведения) дворцовый переворот имел действительно довольно много совпадений с заговором декабристов. Подобно восстанию декабристов, убийство Павла I не было подробно подготовленным заранее и явилось следствием недовольства под влиянием различных факторов, среди которых на первое место ставилось грубое самодержавие Павла I и нежелание любого ограничения своей власти.

В произведении редко встречаются ключевые цитаты самого декабриста, укрепляющие образ самоотверженного борца. Автором Муравьев-Апостол представляется крайне мудрым и высокообразованным человеком, честным патриотом своей родины и сторонником свободы народа. Н.Я. Эйдельман исследуя декабристов, проводит сравнение Пестеля и Муравьева-Апостола, задаваясь важными вопросами. Первое, какой из декабристов был большим революционером, и второе, кто был более искренним и самоотверженным в своей борьбе за уничтожение крепостного права и монархии? Автор в своей работе безусловно отвечает в пользу главного героя работы.

Автор отмечает, что Сергей Иванович Муравьев-Апостол вежливый,

замкнутый и молчаливый человек. В работе приводится момент европейского воспитания, когда в Париже юный Сергей обучался в политехнической школе, а позднее хотел продолжить обучение техническим наукам в Парижском университете, однако, несмотря на имеющиеся способности для этого, его отец не одобрил это. Повзрослев, Муравьев-Апостол поучаствовал в Отечественной войне 1812 года и заграничных походах русской армии 1813-1814 гг., отличился наградами в виде золотой шпаги «За храбрость» за сражение на Березине и орденом Святой Анны 3-й степени. Позже приобрел известность после событий «Семеновской истории» 1820 г., когда в столице Российской империи Петербурге взбунтовался любимый полк императора, особая гордость русской гвардии Семеновский полк. Бунт в итоге провалился, солдаты-зачинщики выступления были сурово наказаны, полк расформирован, а жестокий командир, который являлся причиной восстания, предстал перед судом. Будучи мирным и спокойным человеком, Муравьев-Апостол призывал солдат не выступать с кровавым восстанием, а переждать все. Но, несмотря на такую позицию, он больше никогда не будет повышен в должности и не вернется назад в столичный Петербург после отправки служить на Украину.

Особое внимание Эйдельман также уделяет стоявшим перед Сергеем Ивановичем личным вопросам и дилеммам, в частности стоит ли действовать постепенно, улучшая всю систему страны изнутри и возможно ожидая необходимых перемен годами, либо нужно действовать неотложно, не соглашаясь на полумеры и не оглядываясь на любые последствия. По поводу этой мучавшей декабриста дилеммы автор пишет: «Ждать ли, пока Общество благоденствия постепенно просочится во все поры государственного механизма, улучшая по пути правосудие, экономику, нравы, освобождая тысячи людей внутренне, и лет через 25-50 добиться коренной перемены дел в стране? Или взяться за оружие, сразиться сейчас же?» [55, с.112-113].

Автор выделяет особую жертвенность главного героя, готового потерять свою жизнь за дело свободы для своей родины, за освобождение от самодержавия и крепостной отсталости в России, но не может определиться,

требуется ли эта жертва прямо сейчас, созрели ли условия для самых активных действий и не будет ли в итоге жертва напрасной. Декабристы в его представлении являются молодыми и искренними людьми, которые руководствовались своими лучшими чувствами, что одновременно являлось и их основной проблемой. Декабристы по мнению автора не являлись прагматичными и расчетливыми людьми, что не позволяло им видеть объективную картину мира и строить долгосрочные политические планы.

Н.Я. Эйдельман тщательно воссоздает атмосферу XIX века и российского общества для объяснения становления движения декабристов и исторического события антиправительственного восстания на Сенатской площади. Это было временем сентиментальной, романтической и просвещенной эпохи, временем появления гениальных писателей и великолепной литературы, временем политического пробуждения народа и идеологического разнообразия. Также это было временем Отечественной войны 1812 года и разгрома великой армии Наполеона, периодом распространения европейского республиканского мировоззрения и стремления радикальных изменений в стране, временем доверия государственным реформам и полного разочарования ожидания.

Историк утверждает, что 14 декабря 1825 года стало важнейшим событием в российской истории начала XIX века. Данный момент выделил два противоположных лагеря в российском обществе, четко обозначив направления общественной мысли. Сергей Муравьев-Апостол являлся одним из первых декабристов при истоках декабристского движения, был членом «Союза спасения», «Союза благоденствия» и «Южного общества», однако в отличие от Павла Пестеля не занимался активной агитацией и должностным строительством в организации. При этом, личность Муравьева-Апостола безусловно являлась одной из ключевых в движении декабристов.

Во время восстания в Черниговском полку 29 декабря 1825 - 3 января 1826 года Сергей Муравьев-Апостол являлся там лидером. Пользуясь разными историческими источниками, Н.Я. Эйдельман по дням прослеживает развитие события. Осознавая всю важность действия, Сергей становится руководителем

мятежа и принимает полностью ответственность за своих людей на себя. Далее, будучи уже раненым и арестованным, как многие декабристы, он сотрудничал со следствием в надежде на помилование или смягчение приговора «мудрым государем», желая продолжать служение Отечеству. В итоге, декабрист в качестве наказания за содеянное все же мужественно встречает свою казнь, однако придерживается своих идей до самого конца и морально поддерживает своего товарища Михаила Бестужева-Рюмина [55].

Одновременно с началом активной фазы перестройки произошел выпуск ряда общих исторических работ, из которых особо заметное влияние получил труд Н. Я. Эйдельмана «Революция сверху в России» (М., 1989). В самой книге и ее предисловии получила четкое обозначение проблема взаимоотношений народа и власти в России, особенно волновавшая тогда советское общество. Н. Я. Эйдельман в книге излагал свое представление об историческом обустройстве России, представляя положение народа похожим на бурный и могучий поток, а государство представляло собой направляющие поток каменные берега и жестко сдерживающие его плотины и шлюзы [56].

В данной работе также поднимается тема декабристов и последствия их восстания, в частности последовавшая контрреволюция. Зачастую, почти полное отсутствие реформ с 1825-го по 1855 год различные историки объясняют личностью царя-реакционера Николая I и его консервативной внутренней политикой, однако, Н. Я. Эйдельман считает несколько иначе. Исследователь полагал, что Николай I впоследствии того, как ни его предшественник на троне Александр I не смог провести отмену крепостного права «сверху», ни восставшие декабристы не смогли осуществить столь необходимые революционные преобразования в стране, некоторое время действительно хотел принять роль "революционера сверху" и даже обозначал себя как преемника Петра. По мнению историка, российский правитель изначально искренне и глубоко понимал суть необходимых реформ.

Восстание декабристов сильно повлияло на воцарившегося Николая I, в результате чего он действительно предполагал провести ряд реформ, а главное

постепенное ослабление с последующей отменой крепостного права. Планировались десятки тайных проектов и секретных комитетов по крестьянскому вопросу, хотя как отмечал Н. Я. Эйдельман, строгая секретность при самодержавном режиме залог для изначальной нерешительности своих намерений и символ ненадежности планов, поскольку любые практические шаги при монархии всегда требуют публичности и народной огласки. С одной стороны, Николай I осознавал неизбежность отмены крепостного права в скором будущем, с другой стороны он не смог бы решиться сам на столь опасный и рискованный для политической ситуации в стране шаг.

По мнению Н.Я. Эйдельмана, в итоге Николай I не сумел осуществить необходимые реформы прежде всего из-за крепкого и все возраставшего сопротивления правящих кругов страны: госаппарата, высшей бюрократии и дворянства. Напуганные восстанием декабристов, помещики отказывались даже теоретически рассуждать о самой возможности освобождения крестьян. Соответственно, восстание декабристов на Сенатской площади в 1825 году, по мнению Эйдельмана, во многом только осложнило задачу будущей отмены крепостного права сверху, сделало невозможным скорую реализацию проектов по освобождению крестьян, значительно предопределив новый и длительно затянувшийся на годы реакционный курс российского правительства.

В данной главе были выделены и охарактеризованы дореволюционный и советский этапы отечественной историографии по теме движения декабристов, рассмотрены исторические исследования различных авторов данных периодов. Подводя итоги, можно сказать, что советский период исторической науки привнес многое в изучение темы движения декабристов. На протяжении этого периода сменялись исторические школы и поколения исследователей. В рамках этого периода ранний советский этап с идеализацией декабристов и наличием выраженной идеологической программы в исторической науке имел значительные отличия от позднего советского этапа с пересмотром прежних позиций, сменой внимания от идеологического аспекта на исследование личностей выдающихся персоналий среди декабристов.

Глава 2 Декабристское движение в современной отечественной историографии

2.1 Дискуссионные вопросы в современной историографии

Можно выделить среди современной историографии работу Ю.В. Латыша и Г.Д. Казьмирчука «Дискуссионные вопросы движения декабристов в постсоветской историографии». В исследовании анализировались основные дискуссионные моменты и тенденции в постсоветской и современной отечественной историографии, рассматривались причины несогласий и споров относительно различных аспектов темы движения декабристов в научной среде. Проводилось научное сопоставление историографических работ и исследований движения декабристов, анализировались основные научные школы и актуальные методологии по изучению декабристов, в частности рассматривались новые исследовательские подходы разных авторов [14].

Рассматриваемое исследование анализирует различные дискуссионные вопросы и мнения исследователей по теме движения декабристов. Рассмотрены различные научные концепции декабристского движения: часть историков видит в нем начало революционного движения, другие считают концом эпохи дворцовых переворотов, отдельные исследователи видят масонский заговор. Солидарны все исследователи в той точке зрения, что появление движения декабристов стало важным отправной точкой, повлиявшей на судьбу Российской империи и отчасти влияющей на современную Россию.

Новейшие исследования в рамках историографии по движению декабристов характеризуются формированием новых разнообразных и многофакторных подходов к научным исследованиям с наличием разных мировоззренческих разногласий. Исследователи в современности разделились на два условных направления: первые, использующие традиционный подход, в рамках которого производятся дальнейшее углубление изучения темы и уточнения имеющейся исторической фактуры, и другие, пытающиеся разработать собственные новые подходы к изучению темы декабристов.

Соответственно, в течение прошедших более 30-ти лет в современных исследованиях по теме декабристов можно выделить следующие направления:

Во-первых, конкретизация имеющихся известных данных, исследование и публикация новых малоизвестных документов и архивных материалов, автобиографические изучения персоналий, исторический разбор обстоятельств ссылки декабристов во время сибирского периода. Представителями данного направления являются сторонники традиционных выработанных в исторической науке подходов к изучению темы декабристов. Данным направлением занимаются многие известные декабристоведы поздней советской школы историографии, например такие как: С.Ф. Коваль, Н.П. Матханова, С.В. Мироненко, Г.А. Невелев, Э.А. Павлюченко, Т.А. Перцева, Е.Л. Рудницкая, А.В. Семенова, В.А. Федоров, Г. Д. Казьмирчук и др.

Во-вторых, критическое переосмысление предшествующих выводов относительно движения декабристов, рассмотрения их с новых точек зрения. Продолжаются попытки разработать новые подходы и новые концепции феномена декабризма. Представителями данного направления, являются: Т.В. Андреева, В.М. Бокова, А.Г. Готовцева, П.В. Ильин, О.И. Киянская, Я.В. Леонтьев, В.С. Парсамов, М.М. Сафонов, А.Б. Шешин, О.В. Эдельман, С.Е. Эрлих и др. Однако среди авторов данного подхода часто встречаются историки-любители и публицисты, которые используют в своих исследованиях неподтвержденные источники.

Современные исследования рассматривались в работе «Дискуссионные вопросы движения декабристов в постсоветской историографии» под авторством двух постсоветских историков Ю.В. Латыша и Г.Д. Казьмирчука. Как утверждают авторы, начало развития постсоветского декабристоведения было связано с изданием работы «Декабристы и их время» В.А. Федорова в России [51] и работы «Первые благовестители свободы» Н.П. Савичева на Украине [45]. Работы эти носили обобщающий характер, за что в настоящее время испытывают критику за отсутствие принципиально новой методологии.

Ю.В. Латыш и Г.Д. Казьмирчук отмечают, что подобные работы начала

1990-х гг. представлялись современникам достаточно передовыми, но в современности не являются таковыми. Обобщающие труды по теме декабристов представлены большими работами под авторством В.И. Семевского, А.Н. Пыпина, М.В. Довнар-Запольского, Н.М. Дружинина, М.В. Нечкиной, Н.Н. Лысенко и многих других. Вследствие этого разработать новую исследовательскую схему декабризма без использования и объединения в работах опыта прежних фундаментальных исследований практически невозможно. Ю.В. Латыш и Г.Д. Казьмирчук допускают переосмысление и дополнение предшествующих выводов исторической науки, но любое современное исследование будет обязано опираться на прошлый опыт.

Также важным фактором не позволяющим разработать принципиально новые подходы к рассмотрению феномена декабризма является огромное количество фактического материала и источников, полноценно изучить которые один исследователь вероятно не сможет. По мнению Ю.В. Латыша и Г.Д. Казьмирчука, все подобные исследовательские задачи следовало бы рассматривать коллективом авторов, специализирующихся на различных вопросах декабризма. Как отмечают авторы исследования, с началом 1990-х гг. одновременно с крупными политическими изменениями в стране происходило становление нового характерного постсоветского периода в современной отечественной историографии по теме движения декабристов.

Происходило переосмысление предыдущего исторического наследия, которое, однако, в массе своей сопровождалось банальной сменой позитивных оценок движения декабристов негативными, а также осуждая проблемы советской власти и большевизма стало популярным проследить их корни в революционных движениях XIX века в России. Стало появляться большое количество исторически недостоверных и политически ангажированных публицистических работ. В это же время стали возникать дискуссии по поводу действительных мотивов декабристов, сформулированные в виде вопроса, что было конечной целью: жертвенная борьба за свободу или политическая борьба за взятие власти? Различные исследователи в современной историографии

рассматривали движение декабристов с разных сторон и позиций.

К примеру В.М. Бокова, имея позицию близкую к советской школе историографии, рассматривала декабристов как самоотверженных героев, рассуждая о их решительности и готовности к жертвам ради народа и родины, считая что в результате кровавого восстания пришло осознание и раскаяние. Однако имеется и другое мнение О.И. Киянской, заявлявшей главной целью декабристов как подпольных заговорщиков захват политической власти в стране, в качестве показательного примера представляя Павла Пестеля, который по ее мнению готов был ради достижения успеха жертвовать идеями. В частности, она утверждала в своей работе «П.И. Пестель и греческая национально-освободительная революция», что сам руководитель Южного общества П. Пестель в целях вызвать дополнительное осуждение правительства и новое общественное недовольство был самостоятельно косвенно причастен к не оказанию столь необходимой поддержки для греческих повстанцев. В то же время О.И. Киянская вполне допускает раскаяние отдельных декабристов после восстания, таких например как Сергей Муравьев-Апостол [19, стр.67-90].

Постсоветский декабристолог Л. Казакевич в работе «Об одном взгляде на идеологию декабристов» обвиняет декабристов в желании взять власть любой ценой и считает их виновными в популизме [13, стр. 82-91]. Исследователь феномена декабризма Е.Л. Рудницкая считала прямо напротив, она видела в декабристах последователей Петра I «революционера на троне», которые по ее мнению продолжали революционное дело Петра своими силами. В то же время поражение восстания «благовестителей свободы» явилось мощным внутренним стимулом к развороту России от европейского образа жизни страны и стало началом движения к «русскому пути» развития с внутренним определением России как великой исторической державы.

В современном декабристоведении возникло характерное новое явление публицистических работ монархического и правоконсервативного направления, представленного исследователями: В.М. Острецов, О.А. Платонов, М. Смолин. Концепция данных авторов рассматривает движение декабристов как чуждое

русскому народу и навязанное извне при помощи масонского заговора против «Святой Руси». Подобные авторы обычно являются противниками западного пути развития в российских реалиях. Основным наполнением в подобных работах являются: обоснование участия масонства как первопричины возникновения любых тайных обществ на протяжении XVIII-XX веков в России; характеристика декабристов как крайне амбициозных людей и корыстных борцов за власть любой ценой; создание положительного образа Николая I, искаженного в советских работах.

К примеру, публицист О.А. Платонов в своей работе «Терновый венец России. История масонства 1731-1995» рассуждает о противоречии «духу русского народа» готовившихся проектов декабристских преобразований [36, с. 91]. Историк-любитель и публицист В.М. Острецов в труде «Масонство, культура и русская история (историко-критические очерки)» предполагает наличие договоренностей с масонами в высших кругах и императора Николая I, с помощью которых император сумел спасти жизнь и правящий престол, а высокопоставленные заговорщики продолжили занимать правительственные должности [33, с. 357].

Также задачей для представителей подобного направления стало создание отрицательного образа декабристов и их морального облика. К примеру, М.Б. Смолин в своей работе «Янычары ночного братства» старательно описывает эпизоды аморального поведения декабристов, обвиняет декабристов в непорядочности и бесчестии, называет организацию восстания на Сенатской площади подставлением под удар солдатом руководителями из числа декабристов [48, стр.5-22]. Похожие позиции Я. Тынченко, Н. Влащенко и В. Сенчихина. Например, Я. Тынченко в своей статье «Подвиг, которого не было» называет известного декабриста Петра Григорьевича Каховского «типичный преступник» [50, с.8-16].

Ряд исследователей, такие как М.Б. Смолин, поддерживают обвинения вождей декабристов в стремлении к власти любой ценой, другие, как например В.М. Бокова в работе «Декабристы и их время», подчеркивают, что многие

революционеры в истории подготавливали вооруженное восстание и готовили планы убийства монархов или введения конституции [2, с. 5-15]. Все попытки разрушить созданный героический миф про декабристов, созданный при помощи дореволюционной интеллигенции вместе с исторической наукой советского периода, связан с завышенными моральными требованиями и трактовкой любой деятельности декабристов как свидетельство непорядочности и жажды власти любой ценой. Часто в таких исследованиях отсутствуют научные факты и проверяемые источники.

Ю.В. Латыш и Г.Д. Казьмирчук критикуют подход М.Б. Смолина, в частности тот факт, что он делает выводы исходя «из внутренней логики преследуемых масонством целей», поэтому в «Янычары ночного братства» присутствует «большая, домысливаемая их авторами область, которую невозможно подтвердить документально» [48, с. 20-21]. Прослеживание связей декабристов с масонскими кругами занимаются наиболее последовательно исследователи А.И. Серков и О. Крыжановская. Работы правоконсервативного известного писателя-публициста А.А. Бушкова представляют декабристов как взбунтовавшихся солдат, в них выступление декабристов предстает как гвардейский переворот, а подавление правительством восстания декабристов как аналог ликвидации янычарского корпуса Османской империи [4].

Результатом современной волны правоконсервативных и монархических работ явилось возрождение либерального мифа о декабристах как легендарных героях и борцах за свободу, основанной на трудах декабриста Н.И. Тургенева. Либеральную точку зрения на движение декабристов можно встретить еще в работах А.Н. Пыпина. В современности она представлена такими исследователями, как В.М. Бокова, К.Э. Яковенко или Я.А. Гордин, последний даже считал декабристов либералами и одобрял их прогрессивные намерения. Подобные исследователи видят в декабристах прогрессивных реформаторов, желавших установления республиканского устройства в России. Они считают, что в планах декабристов было добиваться желаемых результатов мирным путем, а случившееся восстание на Сенатской площади изначально

планировалось как мирная демонстрация своих намерений, волей случая переросшая в вооруженное столкновение с властями [18, с.209].

В современных исследованиях имеется тенденция противопоставления республиканского либерализма декабристов и радикальной революционности, несмотря на практическую тождественность данных понятий в начале XIX в. Исследователи либеральной направленности часто отделяют декабристов от последовавших радикальных тайных организаций, таких как «Народная воля» «Социалисты-революционеры» и прочих. Также в современной историографии появился ряд новых работ, рассматривающих декабристское движение через рассмотрение конспирологии, тайных заговоров и придворных интриг начала XIX в. в России, хотя зачастую в них отсутствуют проверяемые источники.

Современный публицист В.А. Брюханов в своей концепции, изложенной в работе «Заговор графа Милорадовича» представляет Михаила Андреевича Милорадовича главным заговорщиком восстания. Излагается версия, что он был подготовителем государственного переворота, имевшим свои планы против правящей династии. В.А. Брюханов также утверждает, что Милорадович управлял ключевыми лидерами декабристов на Сенатской площади в целях оказания давления на будущего императора Николая I [3]. Существует также версия, М.М. Сафонова в работе «14 декабря 1825 года как кульминация междуцарствия», в которой он преподносит императрицу Марию Федоровну как тайного организатора восстания в своих целях [46, стр. 61-89].

Ю.В. Латыш и Г.Д. Казьмирчук отмечают, что подобные теории заговоров, как правило, не имеют проверяемых источников и не выносят критики профессиональных историков. В подобных работах как правило присутствует большой дефицит источников, что позволяет рассматривать выводы как личные домысли и фантазию авторов. Работы профессиональных историков в основном не имеют задачи переосмысления имеющихся результатов всей предшествующей исторической науки, а только дополнение имеющихся исторических данных или конкретизацию отдельных положений.

В современных исследованиях по теме движения декабристов новым

методологическим направлением стал ментальный анализ. Можно выделить работу Т.В. Орловой «Новые возможности изучения движения декабристов с точки зрения истории ментальностей». Работа рассматривает с новых позиций возникновение и развитие движения декабристов. Ментальный анализ исследует социальные факторы, такие как российский национальный характер, дворянское воспитание и офицерскую ментальность. Также используется цивилизационный подход, при рассмотрении в ментальности декабристов сочетания западного либерализма и российской культуры [32, стр.113-128].

Многообразие исследовательских подходов к изучению декабристов напрямую взаимосвязаны с одной из актуальных проблем современных исследований: рассматриванием декабристов с точки зрения менталитета и ментальности, что является одним из основных методологических подходов современной исторической науки. Как рассуждал А.Я. Гуревич, известный российского ученый историк-медиевист и культуролог, менталитет можно считать даже не подходом или методикой, а «первой проблемой исторического исследования» [7, с. 520].

В настоящее время, благодаря понятиям менталитета и ментальности значительно дополнилась и расширилась методология исторического исследования, преодолев длительный сугубо материалистический подход к исследованиям советского периода. Изучение влияния различных ментальных факторов: воспитания, чувств, симпатий, склонностей и т.д. значительно расширили многостороннее изучение декабристов с различных сторон. Междисциплинарный подход имеет широкое распространение в современных исторических исследованиях, а использование философии, социологии, психологии, политологии, филологии и этнологии значительно дополнило новыми подходами историческую науку.

В отличие от изучения социально-экономических, классовых или политических факторов в исследованиях советского периода, в настоящее время стало актуальным рассмотрение «ментального фона» в целях обоснования причин возникновения декабристов посредством изучения образа жизни и

представлений людей определенной эпохи и культуры.

Например, Т.В. Орлова в работе «Движение декабристов с точки зрения истории ментальностей» объясняет необходимость изучения движения декабристов с ментальной стороны так: «менталитет - это психологическая детерминанта поведения миллионов людей, верных своему исторически сложившемуся «коду» в любых обстоятельствах, некая интегральная характеристика индивидов, совокупность их представлений, взглядов, ощущений, дающая возможность описать своеобразное видение этими людьми окружающего мира и объяснить специфику их реагирования на него, поведения в нем, и о менталитете, и о ментальности можно сказать, что это неосознаваемые механизмы мышления, отражающиеся в поведении» [32, с. 521].

Исследование ментальных особенностей и культурного фона декабристов является актуальным направлением современных исследований по теме декабристов. Подобным направлением занимается целый ряд исследователей: С.Н. Чернова, Ю.Г. Оксмана, Н.М. Дружинина, Б.Е. Сыроечковского, Ю.М. Лотмана, В.В. Пугачева. К примеру, В.С. Парсамов утверждал, что рассматривать движение декабристов следует в том числе с социально-культурной стороны, а феномен декабристов «не только совокупность определенных общественно-политических идей и тактических замыслов, но и значительный этап в русской культуре» [34, с. 544].

Актуальным является и изучение при помощи ментального анализа биографий выдающихся личностей декабристов. Это позволило рассматривать межличностные отношения декабристов и их разногласия, в частности О.И. Киянская изучала противоречия С. Муравьева-Апостола и С. Трубецкого против позиции П.И. Пестеля. Личность Павла Ивановича Пестеля вызывает особенный интерес в современной российской историографии в связи с большим количеством имеющихся негативных характеристик от его современников и примечательной биографии. На многие исследования в значительной мере повлияли имеющиеся данные частью подсудимых декабристов показания и следственные характеристики.

С.А. Экштут исследовал личность Пестеля как ярчайшего из декабристов, говоря: «Стиль мышления Пестеля и волевые качества его личности не вписывались в контекст духовной жизни» [57, стр. 188]. Значительно переосмыслил Пестеля историк В.С. Парсамов, который считал Пестеля носителем немецкого рационализма и русской широты души [35, стр. 91-97]. О.И. Киянская в работе «Павел Пестель: офицер, разведчик, заговорщик», изучает биографию Пестеля с точки зрения руководителя заговора. В работе рассматриваются государственная служба и подпольная деятельность декабриста, а также анализируется ближайшее окружение Пестеля [19].

Данная работа рассматривает лидера Южного общества с разных сторон, в том числе отношения Пестеля с начальниками, с использованием компромата, подкуп дивизионного командира при подготовке к восстанию. В работе впервые опубликованы документы финансовой деятельности, говорящие о значительных растратах, при обнаружении которых Пестель был бы разжалован в рядовые. Также там поднимается дискуссионный вопрос про источники финансирования деятельности декабристов [19, стр.198-228].

По мнению Ю.В. Латыша и Г.Д. Казьмирчука, в современных исследованиях заслуженно большое внимание уделяется тому фактору, что успех революции определяется в том числе финансовыми ресурсами, и стоит отходить от положения, что революция совершается только восставшим народом. По мнению историков, интересным направлением в исследованиях является проведение сопоставления декабристских планов по организации финансовой поддержки в России и планов схожих революционных организаций в Европе. Также по мнению данных исследователей, современные работы в перспективе должны исследовать межнациональное взаимодействие среди декабристов, поскольку там присутствовали различные народы и этносы.

Актуальной темой исследования современной историографии по теме движения декабристов остается разнообразие взглядов и мнений декабристов по поводу новой конституции, формы правления в России, необходимости вооруженного восстания и прочих разногласий. Например, О.И. Киянская

считала, что организация декабристов по причине отсутствия единства организации не смогла реализовать взятие власти во время восстания. Также В.М. Бокова считала, что организация декабристов была скорее набором клубов по интересам, без единого идеологического наполнения и четко выработанной программы действий.

По мнению ряда исследователей, отсутствие организационного единства в рядах декабристов в том числе зависело от национальных и религиозных факторов. Многие исследователи отмечают роль немецких выходцев в подавлении восстания на Сенатской площади. Актуальность изучения национального и религиозного фактора особенно связана с тем, что в советское время эта тема фактически не исследовалась, не считая поисков атеистов среди декабристов.

Среди современных исследователей с научным подходом по теме национальных и религиозных факторов в движении декабристов можно выделить В.М. Бокову, Г.Д. Казьмирчука, Т.А. Перцеву, И.В. Карацубу. Большинство этих исследователей считают, что христианство преобладало среди декабристов, а причисленные в советский период к атеистам участники движения являлись противниками государственных связей с религией, а не религии как таковой. Данные авторы лишь косвенно являются исследователями декабристов с позиции религиозной точки зрения, поскольку работы целиком посвященные данной специализированной тематике отсутствуют.

Стоит выделить новые возможности в методологии изучения декабризма, благодаря применению в исследованиях настоящего времени современных технологий, в частности можно выделить количественный (квантитативный) метод. Он использовался такими исследователями как О.В. Эдельман, Н.В. Самовер, К.Г. Боленко и О.И. Киянская. В работах К.Г. Боленко и Н.В. Самовер производился математический анализ материалов следствия и суда над декабристами в целях выявления соответствий и закономерностей, а также выяснения следственных заданий и имевшихся разногласий среди судей.

О.В. Эдельман в своем исследовании при помощи квантитативного метода

провела статистический анализ материалов следствия над декабристами. Помимо этого, на базе полученных в результате статистических данных производилась попытка определения параметров судебной работы. В работе на основании сформированных графиков по допросам и дальнейших рассуждений автора делаются выводы, что рассматривая работу следователей Николай I больше симпатизировал А.Х. Бенкендорфу в сравнении с А.И. Чернышевым, что в дальнейшем в 1826 году повлияло на назначение А.Х. Бенкендорфа начальником политической полиции Третьего отделения [54, стр. 51-60].

Дискуссии среди историков относительно использования количественных методов в исследованиях продолжаются относительно того, что использование количественных методов при изучении движения декабристов и судебного процесса без авторского анализа исторической ситуации российского общества периода первой четверти XIX в. не могут принести объективные результаты.

Можно подчеркнуть, что современная историография окончательно восстановилась после некоторого кризиса 1990-х годов и теперь появляется все больше новых работ. Движение декабристов вновь является актуальным направлением исследований, особенно благодаря использованию новых методологий на основе доступных технологий. Современные исследования отличаются появлением принципиально новой методологии благодаря использованию компьютерных технологий.

Перспективными направлениями для переосмысления декабристского движения становятся квантитативная обработка архивных документов и исследовательских работ предшественников, то есть совместное сочетание в современных исследованиях предшествующего историографического опыта параллельно с доступными новыми подходами и современной методологией.

Также имеются перспективы исследований с рассмотрением качественных или количественных показателей состава декабристов с точки зрения национального происхождения, религиозной принадлежности, социального статуса, имущественного положения, возрастного параметра, участия или неучастия в Отечественной войне 1812 г. и тому подобное.

2.2 Терминологический анализ

Движение декабристов остается достаточно востребованной темой для исследований в современности. Среди большого количества исследователей из постсоветского пространства было выпущено немало работ, посвященных тем или иным аспектам и вопросам по теме декабристоведения. Одной из заметных современных попыток проанализировать состояние современной отечественной историографии путем исследования используемых в работах дефиниций являлся труд М.Н. Радченко «Декабризм и декабристы: судьбы дефиниций в отечественной историографии» [43].

Актуальность данной темы связана с тем, что за период с 90-х годов по настоящее время вышло множество новых исследовательских работ по теме движения декабристов. Переосмысление темы одновременно возобновило дискуссии относительно терминов и дефиниций. Часть исследователей полагает, что необходимо научное определение дефиниций как инструментария исследования, другая часть считает допустимым свободным использование терминов с обозначением авторской точки зрения. Данная работа ставила своей целью рассмотрение терминологии отечественной историографии по теме движения декабристов, определение основных терминологических толкований, рассмотрение трансформации значения терминов и понятий.

В данной работе исследовалось развитие основных дефиниций и терминологии по теме движения декабристов, проводился историографический обзор исследований и определение основных методологических подходов предшествующей отечественной историографии. Основной задачей исследования являлось рассмотрение трансформации основных понятий и определений по теме, связанных с определённой историографической ситуацией. В частности, уделяется внимание терминам: «общественная мысль», «декабрист», «декабризм», «декабристы без декабря», и др. [43].

По мнению самой М.Н. Радченко термин «общественная мысль» для отечественной историографии по теме декабристов является не менее важным, широко используемым в исторических исследованиях. Она рассуждает, что

общественная мысль является прямым отражением культурной жизни общества и определенной ступени исторического развития. Общественная мысль является составляющей моральных и этических взглядов современников, отображающей актуальное состояние страны и общественного положения: «Общественная мысль окрашена национальным своеобразием каждого народа и является неотъемлемой частью общественного сознания, а следовательно, и менталитета» [43, с. 3]. М.Н. Радченко считает, что изучение декабристов невозможно без учета их дворянского образования, офицерской ментальности и национального характера, возрастных, религиозных и остальных социальных факторов.

Дискуссионной проблемой в отечественной историографии является научное определение использования термина «декабрист», имеются различные суждения исследователей по поводу того, кого можно называть этим словом. Можно ли считать декабристами всех, принимавших участие в подпольных обществах до 1825 г., или именно непосредственно участников восстания, либо же только осужденных судом участников следственного процесса. Также среди исследователей ведется дискуссия относительно положительной или отрицательной характеристики термина «декабрист». М.Н. Радченко считает, что, несмотря на официальную позицию правительства, объявлявшего декабристов «государственными преступниками», отношение к декабристам среди народных масс и большей части интеллигенции в России XIX века являлось преимущественно положительным, что также было отражено в исторических свидетельствах и культурной литературе [43, с. 31].

Исследователь Д.М. Фельдман в работе «Декабристоведение сегодня: терминология, идеология, методология» определяет два противоположных по смысловому окрасу использования термина «декабристы». Одно с негативной коннотацией, используемое правительством и прессой периода начала 1840-х годов XIX в., а также широко используемое в среде сибирских чиновников, обозначающее декабристов как государственных преступников. Другое, во многом благодаря А.И. Герцену и А.С. Пушкину, имеющее позитивное значение конца 1850-х годов, ставшее синонимом первых русских революционеров,

причем сам термин «декабрист» в широком понимании стал иметь конкретный смысл «осужденный Следственной комиссией» [52].

Исследователь Д.М. Фельдман приводит дефиниции этого термина из словарей, в частности: В.И. Даля из «Толкового словаря живого великорусского языка» 1863 г., где декабристы являются синонимом государственных преступников и заговорщиков; Ф.Г. Толля из «Настольного словаря для справок по всем отраслям знания», где у декабристов образ стремившихся осуществить переворот людей и в итоге заплативших большую цену, часть из них в виде ссылки в Сибирь на каторжные работы, а другие даже жизнью. Приводится также, что в «Энциклопедическом словаре» Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона писали так: «Наименование декабристов присвоено в русской истории членам различных тайных обществ, которые образовались в России в царствование Александра I, с 1816 г., и существование которых обнаружилось открытым восстанием в Петербурге 14 декабря 1825 г.» [7, с. 670].

Седьмой том «Русской энциклопедии» 1914 г. так называет декабристов: «участники возмущения 14 декабря 1825 г. при воцарении императора Николая I, привлеченные по поводу него к следствию (исключая нижних чинов)» [20, с. 671]. В.Н. Сергеев также упоминает такие определения термина «декабрист» из «Словаря научных терминов, иностранных слов и выражений, вошедших в русский язык»: «Декабристы - 1) участники в восстании 14 декабря 1825 года, имевшем целью возвести на престол Константина Павловича и изменить образ правления; 2) во Франции приверженцы Людовика Наполеона, поддержавшие государственный переворот 2 декабря 1851 г.» [47, с. 27].

М.Н. Радченко отмечает, что советский период историографии создало крайне положительный и героический образ вокруг термина «декабристы», который стал синоним слова революционеры. Двухтомник М.В. Нечкиной «Движение декабристов» привнес в научный оборот и закрепил термины: первый этап освободительного движения в России; декабризм; дворянская революционность и т.д. Данные термины одновременно использовались для обозначения преемственности декабристов и большевиков в революционной

истории России, в целях установления соответствия между выступлением на Сенатской площади 1825 г. и Октябрьской революцией 1917 г. [29, с. 173].

М.В. Нечкина в работе «Когда и где возникло слово “декабристы”» исследовала происхождение термина «декабрист». Она отмечает, что публично использоваться термин стал в середине 50-х годов XIX в. под влиянием работ А.И. Герцена и Н.П. Огарева. Однако, корнями слова «декабристы» является Сибирь, М.В. Нечкина приводит употребление воспоминания арестованного по «делу петрашевцев» в 1849 г. сибирского золотопромышленника Р.А. Черносивитова: «Случилось говорить мне о государственных преступниках в Сибири, сосланных по 14 декабря, их вообще в Сибири называют декабристами. Главные вопросы были об их образе мыслей» [7, с. 10].

М.К. Азадовский считал, что определения «декабрист» не было вплоть до конца 1850-х годов: «Можно смело сказать, что в 20-30-е гг. XIX в. этого термина не существовало: его не знает ни один официальный документ. Он не встречается ни в переписке декабристов, ни вообще в известных нам письмах людей этого времени» [7, с. 177]. С.В. Житомирская рассуждала, что начало распространения термина в Сибири вероятно было уже в конце 1830-х гг., сразу после распределения всех декабристов на поселения [8, с. 181].

С.А. Рейсер приводит частный пример использования этого термина в работе «О слове декабрист» - в 1828 году, через два с половиной года после восстания, общаясь со своим другом Я.И. Ростовцевым, дореволюционный профессор А.В. Никитенко оставляет такую запись в личном дневнике: «толковали о прошлом, говорили о декабристах». С.А. Рейсер основываясь на данном примере рассуждает, что первым доказанным использованием термина можно считать 1828 г., хотя подчеркивает, что широкую популярность и научное употребление данный термин получил значительно позже [8, с. 175].

Дискуссии по проблеме научного определения термина «декабризма» и прочей терминологии по теме декабристов остаются также актуальными в постсоветской и современной историографии, что доказывает важность определения дефиниций в современной историографии. Выработанные

терминологические подходы советской исторической науки в современной историографии подвергаются пересмотру и критике. Не менее актуальными остаются в современности и споры относительно положительных или отрицательных коннотаций связанных с данными терминами.

М.Д. Филин писал в начале 1990-х годов в своей работе «О декабристах и декабризме» писал, что декабристы в народном понимании стали образцом героических революционеров, которые теперь являются примером для всех деструктивных элементов со свободолобивыми лозунгами, а также обвинял идеологию декабристов в лицемерной демагогии. Он характеризует сам феномен декабристов как чуждое явление, навязанное извне в России. Историк выражает новый вектор целого поколения постсоветских историков, в своей работе он критикует «декабризм, как чуждый русскому строю жизни чужеземный недуг, едва не приведший державу к катастрофе» [53, с. 167-172].

М.Н. Радченко отмечает, что в современной исследовательской дискуссии по проблематике терминологии намечается исторический тупик, так поскольку общепринятого стандарта понимания терминов не было установлено уже за почти два столетия, можно предположить, что разнообразие смыслов продолжит существовать и далее. Как отмечает автор, при использовании данных терминов, исследователям следует заранее пояснять заложенный смысловой посыл в каждом конкретном месте исследований.

Г.В. Косов в труде «Декабризм в социальной истории России» пишет: «декабризм - это историческое явление, порожденное социокультурной ситуацией рубежа XVIII-XIX вв. и связанное с деятельностью молодых дворян». Он считает, что главными двигателями сознания декабристов были: «беспокойное желание деятельности», идеи подвижничества, жертвенности, нравственной ответственности перед историей, независимости личности от авторитетов, желание служить во благо России». «Декабризм» по его мнению является больше культурным явлением, морально характеризующим целое поколение молодого и служивого дворянства, нежели цельной политической идеологией, имеющей ярко выраженные цели и задачи. Декабризм по мнению

Г.В. Косова также является детищем всего молодого дворянства того исторического периода, а не только явлением связанным с выступившими на Сенатской площади известными лидерами движения [21, с.15].

В современной историографии по движению декабристов востребовано направление исследований качественных показателей членов движения декабристов, в рамках задачи по выделению ключевых персоналий от второстепенных сторонников. В настоящее время в исследовательской сфере продолжаются споры и дискуссии относительно определения дефиниции «декабристы». Мнения исследователей относительно проблемы, кого можно называть термином «декабристы» разнятся до сих пор.

М.А. Рахматуллин предлагал в качестве критерия «документально подтвержденный факт участия в мятеже и/или участие в деятельности тайных обществ» [7, с. 673]. Такое определение допускает признание декабристами часть остальных участников движения, не выступавших лично на Сенатской площади, но множество участников движения могло не иметь официального подтверждения своего участия. П.В. Ильин предлагал критерием «достоверное свидетельство о причастности к тайному обществу, принадлежащее осведомленному лицу - участнику тайного общества, заговора и восстаний декабристов, либо человеку, фиксирующему такого рода свидетельство» [12, с. 12]. Однако, оба подобных подхода значительно ограничивают реальное количество участников движения декабристов, так как очень многие по различным причинам могли не иметь подобных подтверждений.

Г.Д. Казьмирчук и Ю.В. Латыш в совместной работе «Современное декабриствоведение на постсоветском пространстве» рассматривают проблему определения «декабристы» и рассуждают о вышеприведенных подходах М.А. Рахматуллина и П.В. Ильина: «Обе эти концепции имеют свои недостатки. Первая оставляет за пределами декабристского круга основателей движения М.Ф. Орлова, И.А. Долгорукова, Ф.П. Толстого, вторая позволяет считать декабристами даже доносчиков А.И. Майбороду, И.В. Шервуда. Это еще раз доказывает, что универсализация подходов является, как правило, искусственной

конструкцией, и иногда довольно сложно уместить конкретных людей в рамки четко регламентированных норм. Проблема термина «декабрист» вообще представляется нам надуманной, поскольку понятийный аппарат в гуманитарных науках всегда относителен» [14, с. 644-645].

Д.М. Фельдман рассуждая о подходах П.В. Ильина и М.А. Рахматуллина также считает их определения термина «декабрист» необъективными, исключая идеологический аспект. Д.М. Фельдман в коллективной работе «Декабристы: Актуальные проблемы и новые подходы» писал так: «нельзя сформулировать определение термина «декабрист» внеидеологически, не противореча полуторавековой традиции. Но и определение, в основе которого идеологическая компонента, целостная установка, не может быть непротиворечивым. Противоречия будут всегда» [52, с. 678].

С.Е. Эрлих и П.В. Ильин в соавторстве дали свое определение термина «декабристы», по их мнению, он применим ко всем участникам тайных обществ: «Союз спасения, Военное общество, Союз благоденствия, Измайловское общество, Общество добра и правды, Общество Ф.Н. Глинки, Северное и Южное общества, Общество соединенных славян, Общество Гвардейского экипажа, Практический союз». Также он применим ко всем не состоящим в обществах, но знавшим цели восстаний участникам протестных выступлений: «события 14 декабря 1825 г. в Петербурге, выступления Черниговского полка, инцидент в Полтавском полку» [7, с. 679].

В рамках коллективной работы «Декабристы: Актуальные проблемы и новые подходы» Д.М. Фельдман соглашается с предложенным О.И. Киянской подходом к проблеме термина «декабристы»: «Иной подход предложила Киянская. По ее словам, если нельзя избавиться от противоречий, можно избавиться от бесплодных дискуссий. Коль скоро нет общепринятого определения, а пояснять каждый раз, что именно обозначает термин «декабрист», неудобно, проще вовсе отказаться от термина, заменив его в каждом случае соответствующим контексту «нейтральным словосочетанием» - «член тайного общества», «участник выступления 1825/26 гг.» и т.д.» [7, с. 680].

В рамках терминологических дискуссий по теме движения декабристов кроме понятия «декабрист» существует также проблема термина «декабрист без декабря». Данный термин был использован в научном обороте и стал популярным после использования в работе «Декабрист без декабря» С. Н. Дурылина (Н. Кутанова), посвященной князю П. А. Вяземскому, который, несмотря на политическую лирику, в декабристских обществах не состоял. В молодости Петр Вяземский имел четко выраженные оппозиционные взгляды, поддерживал идеи отмены крепостного права и введения конституции. Он активно критиковал царскую власть, однако никогда не входил в тайные революционные кружки, хоть полиция все равно за ним следила [9, с. 213].

Данный термин первоначально определял круг людей сочувствующих декабристам с некоторыми исключениями. Одновременно с ростом широкого интереса к исследованиям общественного движения первой четверти XIX в. границы этого понятия расширились. В частности, С.А. Экштут и М.В. Нечкина включали в ряды «декабристов без декабря» Д.В. Давыдова, А.С. Грибоедова, братьев А.И. и С.И. Тургеневых, П.Д. Киселева и многих других. Многие «Декабристы без декабря» были сторонниками просвещенной монархии или республиканской системы, в отличие от большинства декабристов, они желали постепенной трансформации страны и формирования общественного сознания с помощью публичного обмена мнениями и развития гражданской позиции. Люди из числа таких сторонников декабристов надеялись на возможность сотрудничества с государством путем проектирования реформ и подготовки всего российского общества. Они во многом отвергали радикализм и насилие как методы достижения целей, предпочитая умеренное преобразование путем реформаторства государством внутренней ситуации в России [1, с. 22-23].

Такое определение «декабристов без декабря» регулярно встречается в современных исследованиях, в смысле умеренных сторонников декабристов, предпочитающих реформаторский путь вместо революционных восстаний. Про использование современными исследователями термина «декабристы» Т.Н. Жуковская в статье «Рецензия: Бокова В.М. Эпоха тайных обществ. Русские

общественные объединения первой трети XIX в. М., 2003» пишет в том смысле, что с одной стороны это дань уважения научной традиции, а с другой понятный термин из лексикона современников декабристов, который имеет понятные границы применения. По ее мнению понятие декабрист возникло после следствия, суда и исполнения приговора, и обозначало лишь фигурантов следственного процесса. По прошествии времени, в представлениях современников, а позднее и в научном обращении смысловое наполнение понятий «декабризм» и «движение декабристов» непрерывно менялось, а с появлением новых исследований продолжает изменяться и в данный момент. Т.Н. Жуковская также считает, что споры относительно использования данных терминов не могут привести к позитивным результатам [10, с. 539-540].

Тем не менее, проблема научного использования и эволюции терминов остается актуальной в современной исследовательской среде. Данная проблематика рассматривалась В.В.Пугачёвым, писавшим в работе «Пушкин, Радищев и декабристы»: «Был ли Пушкин декабристом? Думается, что да. Если, конечно, не считать декабристами только членов тайного общества. И теперь, спустя 167 лет после восстания, остаётся неясным, кому вручать «партийный билет» декабриста (как принято было выражаться 67 лет назад, когда отмечался 100-летний юбилей восстания)» [41, с. 78].

Как отмечает М.Н. Радченко, в настоящее время многие современные исследовательские работы уделяют особое внимание к терминам по теме движения декабристов в связи с возросшим интересом к определению используемых дефиниций. К примеру, без четкого определения термина «декабризм» невозможно в полной мере обозначить значение исторического явления декабризма, охарактеризовать идейно-политическое наполнение движения декабристов, тесно связанное с революционными, республиканскими и либеральными идеями, объяснить связи феномена декабристов с социально-культурными особенностями, том числе проследить взаимосвязь с литературой XIX века.

Также определение дефиниции «декабрист» является важным в

современной историографии поскольку оценка самого движения декабристов подвергается регулярному пересмотру в последнее время меняется от умеренно положительного до крайне отрицательного, что создает противоречивость толкований термина. В советской историографии термин «декабрист» имел выраженные позитивные коннотации, однако в постсоветском и современном периоде произошло критическое переосмысление и дискуссионные споры относительно прошлых исторических оценок и исследовательских мнений.

Как отмечает М.Н. Радченко, то же произошло с понятием «декабрист без декабря», который имел широкие границы в советском периоде, включавший в себя с одной стороны революционную интеллигенцию и дворянство, «сочувствующих декабристам», с другой стороны имевший схожесть с негативно оцениваемым термином «либералист».

Подводя итоги, в данной главе были выявлены и перечислены основные дискуссионные вопросы в современной отечественной историографии, проанализирована используемая терминология по теме движения декабристов, были выделены и проанализированы методологические подходы и теории в историографии декабристского движения, были обозначены основные тенденции и перспективы развития современной отечественной историографии декабристского движения.

Заключение

В изучении историографии по теме движения декабристов традиционно выделяют три основных периода: дореволюционный, советский и современный, в которых также обозначаются определенные этапы. Каждый этап имеет свои особенности, тесно связанные с общественной обстановкой и политическими условиями в стране. Так, в советском периоде можно выделить этапы «ранней советской» и «поздней советской» историографии, которые, несмотря на общие рамки советского периода имели между собой принципиальные отличия, как в плане свободы исследований, так и в плане доступных источников.

Ранним советским этапом обычно называется время 1920-1930х годов, но в широком понимании это время от начала советской науки до «оттепели». Данный этап характеризуется проведением четкой идеологической линии в исторических исследованиях, прослеживанием преемственности от декабристов к большевикам и созданием так называемого «советского мифа» о декабристах как безусловных революционных героях. Одновременно данный этап являлся временем становления новой советской исторической науки и формированием основных исследовательских работ. Характерными представителями данного этапа являются исследователи Михаил Николаевич Покровский и Милица Васильевна Нечкина.

Поздний советский этап включает в себя время с середины 50-х годов до распада Советского союза в 1991 году, включая в себя периоды «хрущевской оттепели», «брежневского застоя» и «горбачевской перестройки». Данный этап характеризуется постепенным ослаблением идеологического давления на историческую науку, что приводило к большей свободе исследователей. В это время происходила умеренная переоценка предыдущих выводов ранней советской историографии, с одновременным перемещением внимания от политических моментов движения декабристов к изучению отдельных личностей и выдающихся персоналий из числа декабристов. Характерными представителями данного этапа являются исследователи Юрий Михайлович

Лотман, Натан Яковлевич Эйдельман и многие другие историки.

Дальнейший период историографии также можно разделить на два этапа: постсоветский (90-е годы - 2000) и собственно современный (2000 - настоящее время). Говоря про постсоветский этап 90-х годов, с распадом СССР интерес к тематике движения декабристов первое время пошел на спад, но затем стали появляться новые работы от исследователей с различными позициями. Этот период можно охарактеризовать как трансформацию исторической науки в целом. Крушение однопартийного режима позволило впервые официально издавать исследования с право-монархических и консервативных позиций, вместе с открытой критикой предшествующих выводов советской школы исторической науки, часто происходило переосмысление прошлого опыта.

Однако, начавшийся поток публицистических работ далеко не всегда обладал фактическими проверяемыми данными и научными источниками, зачастую сопровождаясь лишь домыслами авторов. В это время происходило слияние любительской публицистики и научных исторических исследований, что зачастую создавало лишь новые мифы про декабристов и распространяло различные теории заговоров в общественном сознании. Также это стало временем разделения среди исследователей, так как часть исследователей продолжает стоять на позициях советской традиции, а другая категорически отвергла весь советский опыт. В целом, этот период отечественной историографии являлся неким переходным звеном от советской школы к формированию современной, что сопровождалось большим количеством издаваемых работ по теме декабризма с разным качеством исследований.

С началом XXI века в отечественной историографии можно проследить тенденции к более детальному изучению различных аспектов по движению декабристов, впервые ставились многие вопросы о финансовой деятельности декабристских организаций, также впервые использовались новые методы исследований на основе современных технологий, такие как количественный (квантитативный) метод. Появляются специализированные труды, глубоко посвященные национальным и религиозным факторам в формировании взглядов

конкретных декабристов, также появляются труды, рассматривающие участников движения с ментальной стороны. Периодически поднимаются новые архивные материалы и публикуются связанные с ними исследования.

Продолжаются по настоящее время дискуссии по поводу оценки роли декабристов в революционном движении и раскрытия настоящего образа декабриста, начатые подниматься частью историков еще в позднем советском периоде. Касательно количественных данных по теме декабристов, финансовых сведений и делам по судебным процессам дискуссии практически отсутствуют, по причине обширной опубликованной и архивной доказательной базы, однако причины возникновения феномена декабризма и личные мотивы участников движения до сих пор остаются актуальными и дискуссионными темами.

Так, часть авторов видит в декабристах революционных героев и борцов за свободу, пожертвовавших своими карьерами и жизнью ради идейного служения народу и принесения блага своей отчизне, в то время как другая часть современных исследователей считает необходимым разрушить весь «советский миф» о декабристах и восстановить честь российского монарха Николая I. Также дискуссионной темой стало определение терминов по теме декабризма, поскольку до сих пор ведутся дискуссии по поводу того, кого можно называть декабристом: только ли пострадавшего в результате суда участника восстания, либо всех причастных к восстанию на Сенатской площади в 1825 г., или же вовсе всех публичных лиц, сочувствующих позиции декабристов?

С методологической точки зрения отечественная историография на современном этапе совершила большой качественный прорыв, благодаря сочетанию использования современных технологий и архивных материалов. Современная российская наука обогатилась новыми архивными данными, трудами зарубежных историков которые переводились на русский язык в период 90-х годов, а главенствующая в советский период марксистская методология сменилась разнообразием позиций исследователей и расширением количества рассматриваемых вопросов и проблематик в исследованиях.

Можно сказать, что в настоящее время перспективным направлением

является дальнейшее использование количественного метода для обработки уже имеющихся данных по судебным делам декабристов и для статистических исследований по различным аспектам темы движения декабристов, в том числе национальной и религиозной составляющей, а также ряда демографических исследований для определения состава декабристов.

Подводя итоги, в работе были выделены и охарактеризованы основные этапы развития отечественной историографии; рассмотрены исторические исследования авторов разных периодов; были выявлены и перечислены основные дискуссионные моменты по теме; выделены и проанализированы методологические подходы в историографическом изучении декабристского движения; обозначены основные тенденции и перспективы развития современной отечественной историографии декабристского движения.

Список используемой литературы

1. Балахнина В.Ю. Декабрист как социокультурный тип человека : дисс. канд. культуролог, наук / Ю.В. Балахина. - Комсомольск-на-Амуре : 2005.- 189 с.
2. Бокова В. М. Декабристы и их время / отв. ред. В. М. Бокова. - М., 1995. - 283 с.
3. Брюханов В. Заговор графа Милорадовича / В. А. Брюханов. - М. : АСТ, 2004. - 415 с.
4. Бушков А. Россия, которой не было-4. Блеск и кровь гвардейского столетия / А. Бушков. - М. : ОЛМА - ПРЕСС ; ОАО ПФ «Красный пролетарий», 2005. - 410 с.
5. Даревская Е. М. Письма М. К. Юшневской из Кяхты // Сибирь и декабристы : сб. ст. / отв. ред. Б. С. Мейлах. Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1978. Вып. 1. 288 с.
6. Даревская Е. М. Письма М. К. Юшневской из Кяхты // Сибирь и декабристы : сб. ст. / отв. ред. Б. С. Мейлах. Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1981. Вып. 2. 159 с.
7. Декабристы: актуальные проблемы и новые подходы / [сост.: О.И. Киянская, М.П. Одесский, Д.М. Фельдман] ; Рос. гос. гуманитар. ун-т. - Москва : [б.и.], 2008. – 721 с.
8. Декабристы: новые материалы / под. ред. М.К. Азадовского. М.: Госкультпросветиздат, 1955. - 294 с.
9. Жуковская Т.Н. Дворянский либерализм в России в первой четверти XIX в. Итоги и задачи изучения. // Автореф. дис. . канд. истор. наук. СПб., 1992.- 359 с.
10. Жуковская Т.Н. Рецензия: «Бокова В.М. Эпоха тайных обществ. Русские общественные объединения первой трети XIX в. М., 2003». Примечание 2 / Т.Н. Жуковская // 14 декабря 1825 года. Источники, исследования,

историография, библиография. Вып. VII. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского института истории РАН "Нестор-История"», 2005.

11. Записки, статьи, письма декабриста И.Д. Якушкина / ред. и коммент. С.Я. Штрайха. М.: Изд-во АН СССР, 1951. - 739 с.

12. Ильин П. В. Новое о декабристах. Прощенные, оправданные и необнаруженные следствием участники тайных обществ и военных выступлений 1825–1826 гг. СПб.: Нестор-История; СПбИИ РАН, 2004. 664 с.

13. Казакевич Л. Об одном взгляде на идеологию декабристов // 2001. - Вып. 3. - 289 с.

14. Казьмирчук Г.Д., Латыш Ю.В. Дискуссионные вопросы движения декабристов в постсоветской историографии // Известия Иркутского государственного университета. Серия «История». 2013. № 2(5). - 86 с.

15. Киянская О. И. Декабристы в отечественной истории и историографии: полемические заметки/О. И. Киянская // Россия и современный мир, 2017, № 2.

16. Киянская О. И. Документы о финансовой деятельности П. И. Пестеля в Вятском пехотном полку / вступ. ст., публ. и коммент. О. И. Киянской // 14 декабря 1825 года: Источники, исследования, историография, библиография. - СПб. ; Кишинев, 2001. - Вып. 4.

17. Киянская О. И. Павел Пестель: офицер, разведчик, заговорщик. - М: Параллели, 2002. - 512 с.

18. Киянская О.И. Кто такие декабристы и за что они боролись? (Неюбилейные заметки о юбилейных конференциях) // Отечественная история. 2001. № 5. - 305 с.

19. Киянская О.И. П.И. Пестель и греческая национально-освободительная революция // Декабристы в Украине: исследования и материалы. - 2003. - 90 с.

20. Ключевский В.О. - Сборник: Исторические портреты (Декабристы) / изд. Эксмо. - Москва, [2008]. - [4], 26 с.

21. Косов Г.В. Декабризм в социальной истории России: автореф. дис. канд. ист. наук.- СПб., 1999.- 228 с.
22. Левин К.Н. - Декабристы : история вооруженного восстания 14 декабря 1825 г. / Кирик Левин. - Издание 3-е, переработанное. - Харьков : Пролетарий, 1923. - 83 с.
23. Ленин В. И. - Полное собрание сочинений, том 21/ Изд-во. Политиздат – Москва, 1980. - 672 с.
24. Ленин В. И. - Полное собрание сочинений, том 23/ Изд-во. Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС - Москва, 1973. - 598 с.
25. Ленин В. И. - Полное собрание сочинений, том 30/ Изд-во. Политиздат - Москва, 1980. - 562 с.
26. Лотман Ю. М. Декабрист в повседневной жизни / Ю. М. Лотман // Литературное наследие декабристов // Отв. ред. В. Б. Базанов, В. Э. Вацуру. Л.: Изд-во Наука, 1975. 399 с.
27. Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII - начала XIX века). СПб.: Искусство-СПб., 1994. – 640 с.
28. Нечкина М.В. Восстание декабристов в концепции М.Н. Покровского // Против исторической концепции Покровского. Москва., 1939. - 336 с.
29. Нечкина М.В. Движение декабристов в 2 том. Том I / Издательство Академии наук СССР, Москва, 1955 г., - 483 с;
30. Нечкина М.В. Движение декабристов в 2 том. Том II / Издательство Академии наук СССР, Москва, 1955 г., - 506 с;
31. Нечкина М.В. Декабристы: научное издание / М. В. Нечкина. - 2-е изд., испр. и доп. - М. : Наука, 1982. - 184 с
32. Орлова Т. Новые возможности изучения движения декабристов с точки зрения истории ментальностей - 2004 г.
33. Острецов В. Массонство, культура и русская история (историко-критические очерки) / В. Острецов. - М., 1998. - 525 с.

34. Парсамов В. С. Декабристы и культурно-политические традиции Франции конца XVIII - начала XIX вв.: дис. ... д-ра ист. наук / В. С. Парсамов. - Саратов, 2002. - 587 с.
35. Парсамов В. С. Из литературного быта Тульчинской управы декабристов // Историк и историография: материалы науч. конф. - Саратов, 1999.
36. Платонов О. Терновый венец России. История масонства 1731-1995 / Л. Платонов. - М., 1995. - 431 с.
37. Покровский М.Н. Декабристы / М.Н.Покровский.- сб. статей. - Москва-Ленинград: Государственное издание, 1927.- 95 с.
38. Покровский М.Н. Очерки по истории революционного движения в России XIX и XX вв.: лекции, читанные на курсах секретарей уездных комитетов РКП(б) зимою 1923/24 г. / М. Покровский. - 2-е изд., перераб. - М. ; Л. : Гос. изд-во, 1927. - 200 с.
39. Покровский М.Н. Русская история в самом сжатом очерке/ М.Н.Покровский.-Москва: Партиздат,1933.- 4-е посмертное издание. - 545 с.
40. Покровский М.Н., Мицкевич С.И. Нужно ли праздновать юбилей декабристов // Декабристы. 1825–1925: Сб. ст. и материалов / Под ред. и с предисл. С.Я. Штрайха. - М.: Молодая гвардия, 1925. - с. 19-32.
41. Пугачёв В.В. Пушкин, Радищев и декабристы / В.В. Пугачев. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1992. - 213 с.
42. Пыпин А.Н. - Общественное движение при Александре I : исторические очерки А. Н. Пыпина. - Санкт-Петербург : издание "Вестника Европы", 1871., 487 с.
43. Радчеко М.Н. Декабризм и декабристы: судьбы дефиниций в отечественной историографии // Вестник Чувашского университета. - 2009. [Электронный ресурс] // КиберЛенинка. - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dekabrizm-i-dekabristy-sudbydefinititsiy-v-otechestvennoy-istoriografii> (дата обращения: 24.04.2019).
44. Рожков Н. А. Русская история в сравнительно-историческом освещении: (Основы социальной динамики) / Н. А. Рожков. - 2-е изд. - Москва;

Ленинград: Книга, 1928. - Т. 10: Разложение старого порядка в России в первой половине XIX века. - 382 с.

45. Савичев Н. П. Первые благовестители свободы / Н. П. Савичев. - Киев : Политиздат Украины, 1990. - 247 с.

46. Сафонов М. М. 14 декабря 1825 года как кульминация междуцарствия // 14 декабря 1825 года. Источники. Исследования. Историография. Библиография. -СПб. ; Кишинев, 2001. - Вып. 4.

47. Сергеев В.Н. Декабристы / В.Н.Сергеев // Русская речь. 1985. № 6. – 34 с.

48. Смолин М. «Янычары ночного братства» // Графиня С. Д. Толь. Ночные братья. - М., 2000. – 410 с.

49. Соловьев С.М. - Император Александр Первый : политика - дипломатия / [соч.] Сергея Соловьева. - Санкт-Петербург : тип. М.М. Стасюлевича, [1877]. - [4], 563 с.

50. Тынченко Я. Подвиг, которого не было // Киевские ведомости. - 2000. – 16 с.

51. Федоров В.А. Декабристы и их время М.: Изд-во МГУ., 1992 - 272 с.

52. Фельдман Д.М. Декабристоведение сегодня: терминология, идеология, методология // Декабристы: Актуальные проблемы и новые подходы. – М., 2008. – 713 с.

53. Филин М.А. О декабристах и декабризме: Некоторые размышления над страницами новонайденного текста // Звезда. № 6, 1993. – 175 с.

54. Эдельман О. В. Квантитативный подход к изучению материалов следствия над декабристами // 14 декабря 1825 года. Источники. Исследования. Историография. Библиография. - СПб.; Кишинев, 2001. - Вып. 4.

55. Эйдельман Н. Я. Апостол Сергей / М.: Политиздат, 1980 г. - 365 с.

56. Эйдельман Н.Я. «Революция сверху» в России. - М.: Книга, 1989. – 176 с.

57. Экштут С.А. В поисках исторической альтернативы: Александр I. Его сподвижники. Декабристы / С. А. Экштут. - М., 1994. - С. 285